

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ALEXANDRE DUMAS

LA DAME DE MONSOREAU

Illustrés par Maurice Leloir

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ГРАФИНЯ ДЕ МОНСОРО

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Рисунки Мориса Лелуара

Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фра)я5
Д96

Перевод с французского
Н. Бутыриной и В. Столбова

Рисунок на переплете
С. А. Григорьева

Дюма А.
Д96 Графиня де Монсоро/Пер. с фр. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 923 с.: ил.— (Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-9922-1361-4

Один из самых популярных романов Александра Дюма. Франция XVI века — царствование Генриха Третьего. Захватывающая история о заговорах и интригах, доблести и отваге, коварстве и предательстве. История о любви отважного и благородного графа де Бюсси и прекрасной Дианы де Монсоро, разворачивающаяся на фоне жестокой схватки за французский престол.

В настоящем издании публикуются все 245 иллюстраций известного французского художника Мориса Лелуара, выполненные им для парижского издания 1903 года.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фра)я5

ISBN 978-5-9922-1361-4

© Перевод Н. Бутыриной. Наследники, 2013
© Перевод В. Столбова. Наследники, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГРАФИНЯ
ДЕ МОНСОРО

Александр Дюма

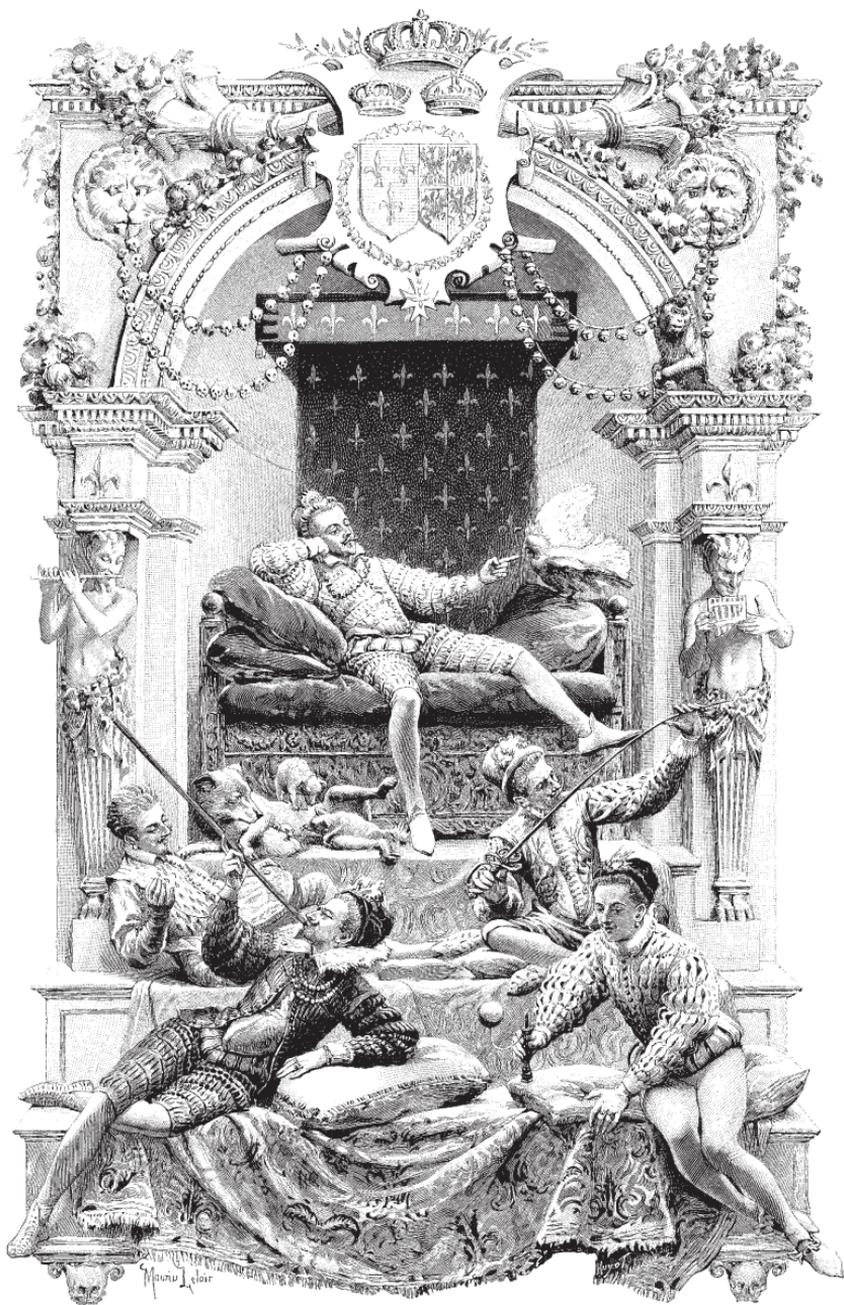

Художник
Морис Лелуар

245
иллюстраций

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I СВАДЬБА СЕН-ЛЮКА

В последнее воскресенье Масленицы 1578 года, после народного гулянья, когда на парижских улицах затихало шумное дневное веселье, в роскошном дворце, только что возведенном на берегу Сены, почти напротив Лувра, для прославленного семейства Монморанси, которое, породнившись с королевским домом, по образу жизни не уступало принцам, начиналось пышное празднество. Сие семейное торжество, следовавшее за общественными увеселениями, было устроено по случаю бракосочетания Франсуа д'Эпине де Сен-Люка, наперсни-

ка и любимца короля Генриха III, с Жанной де Коссе-Бриссак, дочерью маршала де Коссе-Бриссака.

Свадебный обед был дан в Лувре, и король, который с величайшей неохотой согласился на этот брак, явился к столу с мрачным выражением лица, совершенно неподобающим для такого случая. Да и наряд короля находился в полном соответствии с его лицом: Генрих был облачен в темно-коричневый костюм, тот самый, в котором его написал Клуэ на картине, изображающей свадьбу Жуаеза. При виде этого угрюмого величия, этого короля, похожего на свой собственный призрак, гости цепенели от страха, и особенно сильно сжималось сердце у юной новобрачной, на которую король всякий раз, когда он достаивал ее взгляда, взирал с явным неодобрением.

Однако насупленные в разгаре брачного пира брови короля, казалось, ни у кого не вызывали удивления; все знали, что причина кроется в одной из тех дворцовых тайн, что лучше обходить стороной, как подводные рифы, столкновение с которыми грозит неминуемым кораблекрушением.

Едва дождавшись окончания обеда, король порывисто вскочил, и всем гостям волей-неволей пришлось последовать его примеру; поднялись даже те, кто шепотом высказывал желание еще побыть за пиршественным столом.

Тогда Сен-Люк, долгим взглядом посмотрев в глаза жены, словно желая почерпнуть в них мужество, приблизился к своему господину.

— Государь, — сказал он, — не соблаговолит ли ваше величество послушать нынче вечером скрипки и украсить своим присутствием бал, который я хочу дать в вашу честь во дворце Монморанси?

Генрих III повернулся к новобрачному со смешанным чувством гнева и досады, но Сен-Люк склонился перед ним так низко, на лице его было написано такое смирение, а в голосе звучала такая мольба, что король смягчился.

— Да, сударь, — ответил он, — мы приедем, хотя вы совсем не заслуживаете подобного доказательства нашей благосклонности.

Тогда бывшая девица де Бриссак, отныне госпожа де Сен-Люк, почтительно поблагодарила короля, но Генрих повернулся к новобрачной спиной, не пожелав ей ответить.

— Чем вы провинились перед королем, господин де Сен-Люк? — спросила Жанна у своего мужа.

— Моя дорогая, я все расскажу вам потом, когда эта грозовая туча рассеется.

— А она рассеется?

— Должна, — ответил Сен-Люк.

Новобрачная еще не освоилась с положением законной супруги и не решилась настаивать; она запрятала любопытство в глубокие тайники сердца и дала себе слово продолжить разговор в другую, более благоприятную минуту, когда она сможет продиктовать свои условия Сен-Люку, не опасаясь, что он их отвергнет.

Итак, в тот вечер, когда начинается история, которой мы намерены поделиться с нашими читателями, во дворце Монморанси ожидали прибытия Генриха III. Но пробило уже одиннадцать часов, а короля все еще не было.

Сен-Люк пригласил на бал всех, кто числился в его друзьях или в друзьях короля. Кроме того, он разослал приглашения принцам и фаворитам принцев, начиная с приближенных нашего старого знакомого, герцога Алансонского, которого восшествие на королевский престол Генриха III сделало герцогом Анжуйским. Но герцог не счел нужным появиться на свадебном обеде в Лувре и, по всей видимости, не собирался присутствовать на свадебном балу во дворце Монморанси.

Короля Наваррского и его супруги в Париже не было, они, как это известно читателям нашего предыдущего романа, спаслись бегством в Беарн и там возглавили войска гугенотов, оказывавшие открытое сопротивление королю.

Герцог Анжуйский, по своему всегдашнему обыкновению, тоже ходил в недовольных, но недовольство его было скрытым и незаметным; герцог неизменно старался держаться в задних рядах, выталкивая вперед тех дворян из своего окружения, кого не отрезвила ужасная судьба Ла Моля и де Коконнаса, чья казнь, несомненно, еще жива в памяти наших читателей.

Само собой разумеется, приверженцы герцога и сторонники короля пребывали в состоянии дурного мира: не менее двух-трех раз в месяц между ними завязывались дуэли, и только в редчайших случаях дело обходилось без убитых или по меньшей мере без тяжелораненых.

Что до Екатерины Медичи, то самое заветное желание королевы-матери исполнилось — ее любимый сын достиг трона, о котором она так мечтала для него, а вернее сказать, для самой себя; теперь она царствовала, прикрываясь его именем, всем своим видом и поведением выказывая, что в сем брэнном мире занята только заботами о своем здоровье и ничто другое ее не беспокоит.

Сен-Люк, встревоженный не сулящим ничего доброго отсутствием короля и принцев, пытался успокоить своего тестя, который по той же причине был огорчен до глубины души. Убежден-

ный, как, впрочем, и весь двор, в том, что короля Генриха и Сен-Люка связывают тесные дружеские узы, маршал рассчитывал породниться с источником благоденствий, и — вот тебе на! — все вышло наоборот: его дочь сочеталась браком с ходячим воплощением королевской немилости. Сен-Люк всячески пытался внушить старику уверенность, которой сам не испытывал, а его друзья — Можирон, Шомберг и Келюс, разодетые в пух и прах, неестественно прямые в своих великолепных камзолах, с огромными брыжами, на которых голова покоилась, как на блюде, шуточками и ироническими соболезнованиями лишь подливали масла в огонь.

— Э! Бог мой! Наш бедный друг, — соболезновал Сен-Люку Жак де Леви, граф де Келюс, — я полагаю, на этот раз ты действительно пропал. Король на тебя сердится потому, что ты пренебрег его советами, а герцог Анжуйский — потому, что ты не выказал должного почтения к его носу¹.

— Ну нет, — возразил Сен-Люк. — Ошибаешься, Келюс, король не пришел потому, что отправился на богомолье в Минимский монастырь, что в Венсенском лесу, а герцог Анжуйский — потому, что влюбился в какую-нибудь даму, которую я, как на грех, обошел приглашением.

— Рассказывай, — возразил Можирон. — Видел, какую мину скорчил король на обеде? А ведь у человека, который раздумывает, не взять ли ему посох да и не пойти ли на богомолье, и выражение лица бывает благостное, умиленное. Ну а герцог Анжуйский? Пусть ему помешали прийти какие-то личные дела, как ты утверждаешь, но куда же делись его анжуйцы, где хотя бы один из них? Оглянись вокруг — полнейшая пустота, даже этот бахвал Бюсси не соизволил явиться.

— Ах, господа, — сказал маршал де Бриссак, сокрушенно качая головой, — как все это смахивает на опалу. Господи боже мой! Неужто его величество разгневался на наш дом, всегда такой преданный короне?

И старый царедворец скорбно воздел руки горе.

Молодые люди смотрели на Сен-Люка, заливаясь смехом; их веселое настроение отнюдь не успокаивало старого маршала, а лишь усугубляло его отчаяние.

Юная новобрачная, задумчивая и сосредоточенная, мучилась тем же вопросом, что и ее отец, — чем мог Сен-Люк прогневать короля?

---

¹ Лицо герцога Анжуйского было обезображено оспой, казалось, что на этом лице два носа. (Прим. автора.)

Сам Сен-Люк, конечно, знал, в чем он провинился, именно потому он и волновался больше всех.

Вдруг у одной из дверей залы возвестили о прибытии короля.

— Ах! — воскликнул просиявший маршал. — Теперь мне уже ничего не страшно; для полного счастья мне не хватает только услышать о прибытии герцога Анжуйского.

— А меня, — пробормотал Сен-Люк, — присутствие короля пугает больше, чем его отсутствие; он явился сюда неспроста, наверное, хочет сыграть со мной злую шутку, и герцог Анжуйский не счел нужным явиться по той же причине.

Эти невеселые мысли не помешали Сен-Люку со всех ног устремиться навстречу своему повелителю, который наконец-то расстался с мрачным коричневым одеянием и вступал в залу в колышании перьев, блеске шелков, сиянии брильянтов.

Но в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III — полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, набеленный и нарумяненный. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к той двери, в которую вошел королевский двойник.

Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

— Что все это значит, господа? — спросил король.

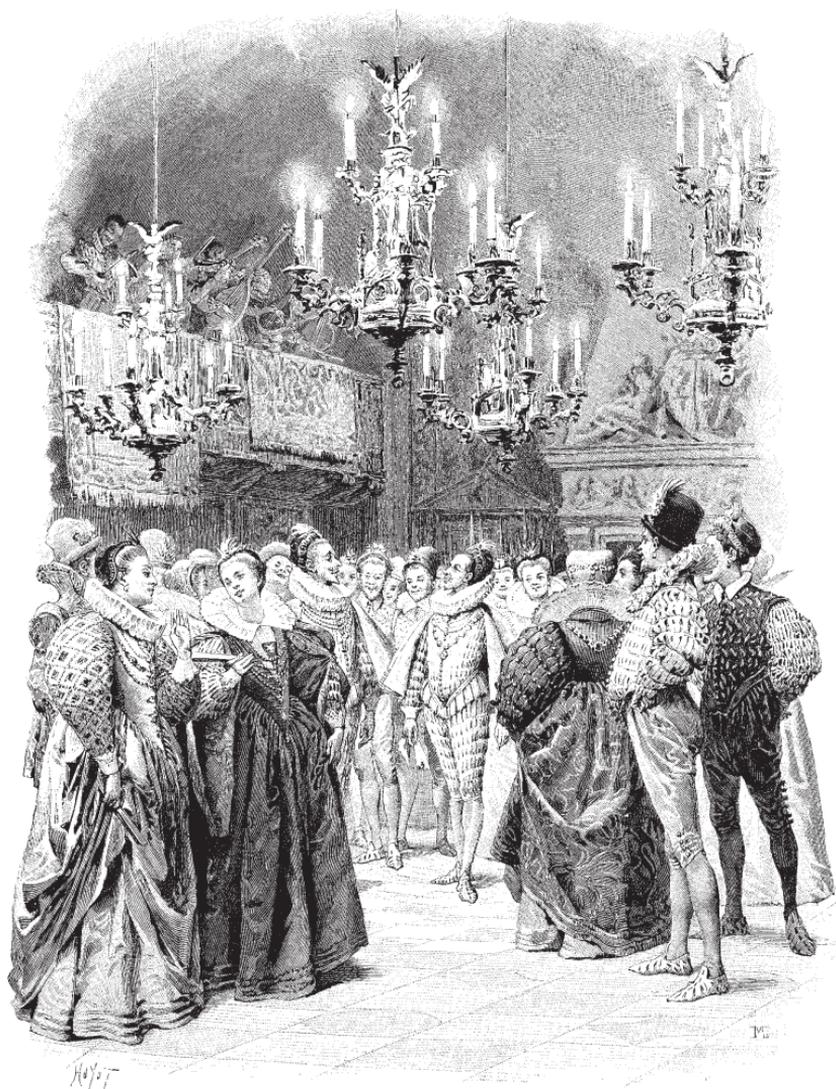
Ответом был громкий взрыв хохота.

Король, вспльчивый по натуре и в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк.

— Государь, — сказал Сен-Люк, — там Шико, ваш шут. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалуется дамам руку для поцелуя.

Генрих III рассмеялся. Шико пользовался при дворе последнего Валуа свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Франциска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Ланжели при дворе короля Людовика XIII.

Дело в том, что Шико был необычный шут. Прежде чем зваться Шико, он звался де Шико. Простой гасконский дворянин, он не только дерзнул вступить в любовное соревнование с герцогом Майенским, но и не постеснялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. За покровительст-

во, оказанное ему преемником Карла IX, он расплачивался тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

— Послушайте, мэтр Шико, — сказал Генрих, — два короля на одном балу — слишком большая честь для хозяина.

— Коли так, то дозвожь мне сыграть роль короля, как сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Может, тебя и в самом деле примут за него и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы, чем он занят сейчас.

— И в самом деле, — сказал король с явным неудовольствием, — мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

— Еще одна причина, почему ты должен его заменить. Решено — я буду Генрихом, а ты — Франсуа, я буду царствовать, а ты — танцевать, я выложу весь набор ужимок, подобающих королевскому величию, а ты малость поразвлечешься, бедный король.

Взгляд короля остановился на Сен-Люке.

— Ты прав, Шико. Я займусь танцами, — сказал он.

«Как я ошибался, опасаясь королевского гнева, — подумал маршал де Бриссак. — Совсем наоборот, король в редком расположении духа».

И он засуетился, расточая комплименты всем гостям без разбору, налево и направо, а главное, не забывая при этом похвалить и себя за то, что ему удалось подыскать дочери супруга, столь щедро осыпанного милостями его величества.

Тем временем Сен-Люк подошел к своей жене. Жанна де Бриссак не была писаной красавицей, однако она обладала прелестными черными глазками, белоснежными зубками, ослепительным цветом лица, то есть всем тем, что в совокупности принято называть очаровательной внешностью.

— Сударь, — обратилась она к мужу, поглощенная все той же мыслью, — объясните мне, чего от меня хочет король? С тех пор, как он здесь, он не перестает мне улыбаться.

— Но, когда мы возвращались с обеда, вы говорили совсем другое, милая Жанна. Тогда его взгляд пугал вас.

— Тогда его величество был в дурном настроении, — сказала молодая женщина, — ну а теперь...

— Теперь еще хуже, — прервал ее Сен-Люк. — Король смеется, не разжимая губ. Я предпочел бы видеть его зубы. Жанна, бедняжка моя, король приготовил для нас какой-то подлый сюрприз. О, не смотрите на меня так нежно, умоляю вас, лучше всего повернитесь ко мне спиной! Смотрите, к нам весьма кстати приближается Можирон. Удержите его возле себя, приглубите, приласкайте его.

— Знаете, сударь, — улыбнулась Жанна, — вы даете мне довольно сомнительный совет, и если я в точности ему последую, могут подумать...

— Ах! — вздохнул Сен-Люк. — Ну и пусть подумают. Просто прекрасно будет, если подумают.

И, повернувшись спиной к своей донельзя удивленной супруге, он отправился ублажать Шико, который увлеченно пыжился, изображая короля, и своими гримасами вызывал всеобщее веселье.

Тем временем Генрих, пользуясь дарованной ему свободой от королевского величия, танцевал, но, танцуя, не терял из виду Сен-Люка: то подзывал его к себе и делился пришедшей в голову остротой, которая всякий раз, независимо от того, удалась она или нет, вызывала у новобрачного приступ громкого смеха, то угощал его из своей бонбоньерки засахаренным миндалем и глазированные фруктами, которые Сен-Люк неизменно находил превосходными. Стоило Сен-Люку на минуту отлучиться из той залы, где был король, хотя бы с намерением поприветствовать гостей в других залах, как Генрих тут же отряжал за ним одного из своих родственников или придворных, и сияющий улыбками новобрачный возвращался к своему повелителю, а король, увидев своего любимца, обретал превосходное расположение духа.

Внезапно королевских ушей достиг шум настолько сильный, что его не могла заглушить общая сумятица звуков.

— Эге! — сказал Генрих. — Кажется, это голос Шико. Ты слышишь, Сен-Люк? Король изволит гневаться.

— Да, государь, — отозвался Сен-Люк, не показывая вида, что уразумел намек, содержащийся в этих словах, — похоже, что он с кем-то не поладил.

— Подите узнайте, что там случилось, — распорядился король, — и немедленно доложите мне.

Сен-Люк отправился выполнять приказ.

И в самом деле, Шико громко кричал, в подражание королю, выговаривая слова в нос:

— Я на выпуски кучу указов против расточительства, если их мало, я выпущу новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. Коли они недостаточно хороши, пусть их по крайней мере будет много. Клянусь рогом Вельзевула, моего кузена, шесть пажей, господин де Бюсси, — это слишком.

И Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем.

— Что он там болтает о Бюсси? — нахмурясь спросил король.

Уже вернувшийся Сен-Люк хотел было ответить, но тут толпа расступилась и открыла их взорам шестерых пажей, одетых в камзолы из золотой парчи и увешанных ожерельями; на груди у каждого пажа всеми цветами радуги сиял герб его господина, вышитый драгоценными камнями. За пажами выступал красивый молодой мужчина, он высоко нес свою гордую голову и шествовал, презрительно вздернув верхнюю губу и бросая по сторонам надменные взоры. Его простая одежда из черного бархата разительно отличалась от богатых костюмов пажей.

— Бюсси! — раздался голоса. — Бюсси д'Амбуаз!

И толпа, хлынувшая навстречу вновь прибывшему, появление которого вызвало в зале такой переполох, расступилась, давая ему проход.

Можирон, Шомберг и Келюс окружили короля, словно желая защитить его от опасности.

— Ах, вот как, слуга здесь, а хозяина что-то не видать, — сказал Можирон, намекая на неожиданное появление Бюсси и на отсутствие герцога Анжуйского, к свите которого тот принадлежал.

— Подождем, — заметил Келюс, — перед слугой идут его собственные слуги, а главный хозяин, может быть, появится после хозяина шести первых слуг.

— Тут есть о чем тебе поразмыслить, Сен-Люк, — вмешался Шомберг, самый молодой, а посему и самый дерзкий миньон короля Генриха. — Ты заметил, что господин де Бюсси не слишком-то почтителен по отношению к тебе? Видишь — на нем черный камзол. Какого черта! Разве это наряд для свадебного бала?

— Нет, — заметил Келюс, — это траур для похорон.

— Ах, уж не его ли это похороны и не надел ли он траур по самому себе? — пробормотал Генрих.

— И при всем том, Сен-Люк, — сказал Можирон, — герцог Анжуйский не последовал за Бюсси. Неужели ты и тут попал в немилость?

Это многозначительное «и тут» кольнуло новобрачного в самое сердце.

— Ну а почему, собственно, он обязан следовать за Бюсси? — подхватил Келюс. — Неужто вы позабыли: когда его величество оказал честь господину де Бюсси и обратился к нему с вопросом, не пожелает ли он принадлежать к людям короля, то Бюсси ответил, что, уже принадлежа к дому Клермонов, он не испытывает необходимости принадлежать кому-то еще и вполне довольствуется возможностью быть хозяином самому себе, ибо уверен, что в собственной персоне обретет самого лучшего принца из всех существующих на свете.

Король сдвинул брови и закусил ус.

— И несмотря на это, — сказал Можирон, — как мне кажется, Бюсси все же поступил в свиту герцога Анжуйского.

— Ну и что же, — флегматично парировал Келюс, — значит, он счел, что герцог посильнее нашего короля.

Это замечание до глубины души задело Генриха, который всю свою жизнь по-братски ненавидел герцога Анжуйского. Поэтому, хотя король не произнес ни слова, он заметно для всех побледнел.

— Ну, ну, господа, — попытался утихомирить разгорающиеся страсти дрожащий от волнения Сен-Люк, — пощадите хоть немного моих гостей. Не портите мне день свадьбы.

Эта мольба, по-видимому, направила мысли Генриха в другое русло.

— В самом деле, не будем портить Сен-Люку день его свадьбы, господа, — сказал он, покручивая усы с лукавым видом, который не ускользнул от бедного новобрачного.

— Так что же выходит, — воскликнул Шомберг, — Бюсси нынче в союзе с Бриссаками?

— Откуда ты это взял? — спросил Можирон.

— Оттуда, что Сен-Люк стоит за него горой. Черт побери! В этом презренном мире каждый стоит только сам за себя. Я не солгу, сказав, что у нас защищают только своих родных, союзников и друзей.

— Господа, — возразил Сен-Люк, — господин де Бюсси мне не союзник, не друг, не родственник: он мой гость.

Услышав эти слова, король бросил на говорившего злобный взгляд.

— И кроме того, — поторопился исправить свой промах несчастный Сен-Люк, сраженный королевским взором, — я вовсе не собираюсь его защищать.

Бюсси, предшествуемый шестеркой пажей, с достоинством приближался к королю, намереваясь его приветствовать, но тут Шико, не стерпев, что кому-то отдают предпочтение перед его особой, закричал:

— Эй, ты, там! Бюсси! Бюсси д'Амбуаз! Луи де Клермон! Граф де Бюсси! Тебя, видать, не докличешься, пока не перечислишь всех твоих титулов. Неужто ты не видишь, где настоящий Генрих, неужто не можешь отличить короля от дурака? Тот, к которому ты так важно вышагиваешь, это Шико, мой дурак, мой шут. Он порой вытворяет такие лихие дурачества, что я со смеху помираю.

Однако Бюсси невозмутимо продолжал свой путь и, поравнявшись с Генрихом, уже хотел было склониться перед ним в поклоне, но тут король сказал:

— Разве вы не слышите, господин де Бюсси? Вас зовут.

И под громкий хохот миньонов повернулся спиной к молодому человеку.

Бюсси покраснел от гнева, но тут же взял себя в руки. Он сделал вид, будто принимает всерьез слова короля, и, словно не слыша шуточек Келюса, Шомберга и Можирона и не видя их наглых усмешек, обратился к Шико.

— Ах, простите, государь, — сказал он. — Иные короли так похожи на шутов, что ошибиться весьма нетрудно. Я надеюсь, вы извините меня за то, что я принял вашего шута за короля.

— Что такое? — протянул Генрих, поворачиваясь к Бюсси. — Что он сказал?

— Ничего, государь, — поспешил отозваться Сен-Люк, которому, по-видимому, небеса предназначили весь этот вечер быть миротворцем, — ничего, ровным счетом ничего.

— Нет, мэтр Бюсси, — изрек Шико, поднявшись на носки и надув щеки, как это делал король, желая придать себе величественный вид, — ваше поведение непростительно.

— Прошу извинить меня, государь, — смиренно молил Бюсси, — я задумался.

— О чем? Небось о своих пажах, сударь? — раздраженно спросил Шико. — Да, вы разоритесь на этих мальчишках, и, клянусь смертью Христовой, вы явно покушаетесь на наши королевские прерогативы.

— Но каким образом? — почтительно осведомился Бюсси; он понимал, что, позволив шуту занять свое место, король поставил самого себя в смешное положение. — Прошу ваше величество

объясниться, и если я действительно допустил ошибку, ну что ж, я признаюсь в этом со всем смирением.

— Рядите в золотую парчу всякий сброд, — и Шико ткнул пальцем в пажей, — а вы, вы — дворянин, полковник, отпрыск Клермонов, почти принц, наконец, вы являетесь на бал в простом черном бархате.

— Государь, — громко сказал Бюсси, поворачиваясь к миньонам короля, — я поступаю так потому, что в наше время всякий сброд наряжается, как принцы, и хороший вкус требует от принцев, чтобы они отличали себя, одеваясь, как всякий сброд.

И он вернул молодым миньонам, утопающим в блеске драгоценностей, усмешку не менее презрительную, чем те, которыми они награждали его минуту тому назад.

Генрих посмотрел на своих любимцев, побледневших от ярости, казалось, скажи он только слово, и они бросятся на Бюсси. Келюс, который больше других был зол на Бюсси и давно бы схватился с ним, не запрети ему этого король, положил руку на эфес шпаги.

— Уж не намекаете ли вы на меня и на моих людей? — воскликнул Шико. Узурпировав место короля, он произнес те слова, которые подобало бы произнести Генриху.

Но при этом шут встал в напыщенную героическую позу капитана Матамора и был настолько смешон, что половина зала разразилась хохотом. Другая половина молчала по очень простой причине: те, кто смеялся, смеялись над теми, кто хранил серьезный вид.

Трое друзей Бюсси, почуяв назревавшую стычку, сплотились вокруг него. Это были Шарль Бальзак д'Антрагэ — более известный под именем Антрагэ, Франсуа д'Оди, виконт де Рибейрак, и Ливаро.

Увидев такую подготовку к враждебным действиям, Сен-Люк догадался, что Бюсси пришел по поручению герцога с целью учинить скандал или бросить кому-нибудь вызов. При этой мысли Сен-Люк вздрогнул, он почувствовал себя зажатым между двумя могущественными и распаленными гневом противниками, избравшими его дом полем сражения.

Несчастный новобрачный поспешил к Келюсу, возбужденный вид которого бросался всем в глаза, положил руку на его пальцы, сжимавшие эфес шпаги, и обратился к нему со словами увещевания:

— Бога ради, дружище, уймись. Подожди, наш час еще придет.

— Проклятье! Уймись ты сам, если можешь! — закричал Келюс. — Ведь пощечина этого наглеца задела тебя не меньше, чем

меня. Кто оскорбил одного из нас, оскорбил всех нас, а кто оскорбил всех нас, оскорбил короля.

— Келюс, Келюс, — не отставал Сен-Люк, — подумай о герцоге Анжуйском, это он стоит за спиной Бюсси. Правда, его здесь нет, но тем более нам надо быть настороже, он невидим, но тем он опаснее. Надеюсь, ты не оскорбишь меня подозрением, что мне страшен слуга, а не господин?

— Дьявольщина! Да кто может быть страшен людям французского короля? Если мы подвергнемся опасности, сражаясь за короля, то король сумеет оборонить нас.

— Тебя — да, но не меня, — жалобно сказал Сен-Люк.

— Ах, пропади ты пропадом! И какого дьявола ты вздумал жениться?! Ведь ты знаешь, как ревнует король своих друзей.

«Ладно, — подумал Сен-Люк, — раз уж каждый стоит только за себя, то не будем и мы о себе забывать. Я хочу прожить спокойно хотя бы первые две недели после свадьбы, а для этого мне надо задобрить герцога Анжуйского».

И с такими мыслями он оставил Келюса и направился к Бюсси.

После своих дерзких слов Бюсси стоял с гордо поднятой головой и обводил взглядом присутствующих. Он весь ушел в слух, надеясь в ответ на брошенные им оскорбления уловить какую-нибудь дерзость по своему адресу. Но никто на него не смотрел, все хранили упорное молчание: одни опасались вызвать неодобрение короля, другие — неодобрение Бюсси.

Последний, увидев приближающегося к нему Сен-Люка, решил, что наконец-то добился своего.

— Сударь, — обратился он к хозяину дома, — по-видимому, вы желаете побеседовать со мной и, наверное, я обязан этой честью тем словам, которые я только что произнес?

— Словам, которые вы только что произнесли? — с самым простодушным видом переспросил Сен-Люк. — А что, собственно, вы произнесли? Я ничего не слышал, уверяю вас. Я просто увидел вас и обрадовался, что могу доставить себе удовольствие приветствовать столь высокого гостя и поблагодарить его за честь, оказанную моему дому.

Бюсси был человеком незаурядным во всех отношениях: смелым до безрассудства, но в то же время образованным, остроумным и прекрасно воспитанным. Зная несомненное мужество Сен-Люка, он понял, что долг гостеприимства одержал в нем верх над утонченной щепетильностью придворного. Всякому другому Бюсси не преминул бы слово в слово повторить сказанную им фразу, то есть бросить вызов в лицо, но, обезоруженный дружелюбием

Сен-Люка, он отвесил ему вежливый поклон и произнес несколько любезностей.

— Эге! — сказал Генрих, увидев, что Сен-Люк разговаривает с Бюсси. — Мне кажется, мой петушок уже прокукарекал капитану. Правильно сделал, но я не хочу, чтобы его убили. Пойдите, Келюс, узнайте, в чем там дело. Впрочем, нет, у вас слишком горячий нрав. Пойдите лучше вы, Можирон.

— Что ты сказал этому фату? — спросил король, когда Сен-Люк вернулся.

— Я, государь?

— Ну да, ты.

— Я пожелал ему доброго вечера.

— Вот как! И это все? — сердито буркнул король.

Сен-Люк понял, что сделал неверный шаг.

— Я пожелал ему доброго вечера, — продолжал он, — а потом сказал, что завтра поутру буду иметь удовольствие пожелать ему доброго утра.

— Хорошо. А я было усомнился в твоей смелости, удалец.

— Но, ваше королевское величество, окажите мне милость сохранить это в тайне, — подчеркнуто тихим голосом попросил Сен-Люк.

— Черт побери! Само собой, я не собираюсь тебе мешать. Хорошо бы ты избавил меня от него, но сам при этом не поцарапался.

Миньоны обменялись между собой быстрыми взглядами, но Генрих III сделал вид, что ничего не заметил.

— Ибо в конце концов, — продолжал он, — этот наглец стал совершенно невыносим.

— Да, да, — сказал Сен-Люк. — Но будьте спокойны, государь, рано или поздно, на него найдется управа.

— Гм, — недоверчиво хмыкнул король, покачивая головой, — шпагой он владеет мастерски. Хорошо бы его покусала бешеная собака. Так бы мы от него отделались без всяких трудов.

И он бросил косой взгляд на Бюсси, который разгуливал по залу в сопровождении трех своих друзей, толкая или высмеивая всех, кого он считал врагами герцога Анжуйского, — само собой разумеется, что эти люди были сторонниками короля.

— Черт побери, — закричал Шико, — не смейте обижать моих любимчиков, мэтр Бюсси, а не то будь я хоть король-раскороль, но я обнажу шпагу не хуже любого шута.

— Ах, мошенник, — пробормотал Генрих, — даю слово, он прав.

— Если Шико будет продолжать свои шуточки в том же духе, я его поколочу, государь, — сказал Можирон.

— Не суйся, куда тебя не спрашивают, Можирон. Шико дворянин и весьма щепетилен в вопросах чести, к тому же колотушек заслуживает вовсе не он, здесь он отнюдь не из самых дерзких.

На этот раз намек был ясен; Келюс сделал знак д'О и д'Эпернону, которые блистали в других углах зала и не были свидетелями выходки Бюсси.

— Господа, — начал Келюс, отведя своих друзей в сторону, — давайте посоветуемся. Ну а ты, Сен-Люк, иди, беседуй с королем и продолжай свое дело миротворца, по-моему, ты в нем весьма преуспел.

Сен-Люк счел это предложение разумным и отошел к королю, который о чем-то горячо спорил с Шико. Келюс увлек четырех миньонов в оконную нишу.

— Ну послушаем, зачем ты нас созвал, — сказал д'Эпернон. — Я там волочился за женой Жуаеза и предупреждаю: если ты не сообщишь что-нибудь по-настоящему важное, я тебе никогда не прощу.

— Я хочу вас предупредить, господа, — обратился Келюс к своим товарищам, — что сразу же после бала я отправляюсь на охоту.

— Отлично, — сказал д'О, — а на какого зверя?

— На кабана.

— Что это тебе взбрело в голову? Ехать охотиться в такой собачий холод! И для чего? Чтоб тебе же выпустили кишки в каком-нибудь перелеске?

— Ну и пусть! Все равно я еду.

— Один?

— Нет, с Можироном и Шомбергом, мы будем охотиться для короля.

— А-а! Понятно, — в один голос сказали Можирон и Шомберг.

— Король изъявил желание видеть завтра на своем обеденном столе кабанью голову.

— С отложным воротником по-итальянски, — сказал Можирон, намекая на простой отложной воротничок, который носил Бюсси, в отличие от пышных брыжей миньонов.

— Так, так, — подхватил д'Эпернон. — Идет. Я участвую в деле.

— Но что случилось? — спросил д'О. — Объясните мне, я все еще ни черта не понимаю.

— Э, да оглянись вокруг, мой милый.

— Ну, оглянулся.

— Разве ты не видишь наглеца, который смеется тебе в лицо?

— Бюсси, что ли?
— Ты угадал. А не кажется ли тебе, что это и есть тот самый кабан, чья голова порадовала бы короля?
— Ты уверен, что король... — начал д'О.
— Вполне уверен, — прервал его Келюс.
— Тогда пусть будет так. На охоту! Но как мы будем охотиться?
— Устроим засаду. Засада всего надежнее.

Бюсси издали заметил, что миньоны о чем-то совещаются, и, не сомневаясь, что речь идет о нем, направился к своим противникам, на ходу перебрасываясь шуточками с друзьями.

— Присмотрись получше, Антрагэ, взгляни-ка, Рибейрак, как они там разбились на парочки. Это просто трогательно, их можно принять за Евриала с Нисом, Дамона с Пифием, Кастора с... Но постой, куда делся Поллукс?

— Поллукс женился, — ответил Антрагэ, — и наш Кастор остался без пары.

— Чем они там занимаются, по-вашему? — громко спросил Бюсси, дерзко разглядывая миньонов.

— Держу пари, — отозвался Рибейрак, — они изобретают новый крахмал для воротничков.

— Нет, господа, — улыбаясь, ответил Келюс, — мы сговариваемся отправиться на охоту.

— Шутить изволите, синьор Купидо, — сказал Бюсси, — для охоты нынче слишком холодно. У вас вся кожа потрескается.

— Не беспокойтесь, сударь, — в тон ему ответил Можирон, — у нас есть теплые перчатки, и камзолы наши подбиты мехом.

— А-а, вот это меня успокаивает, — заметил Бюсси. — Ну и когда же вы выезжаете?

— Может быть, даже нынче ночью, — сказал Шомберг.

— Никаких «может быть». Непременно нынче ночью, — поправил его Можирон.

— В таком случае я должен предупредить короля, — заявил Бюсси. — Что скажет его величество, если завтра на утреннем туалете все его любимцы будут сморкаться, чихать и кашлять?

— Не трудитесь понапрасну, сударь, — сказал Келюс, — его величеству известно, что мы собираемся охотиться.

— На жаворонков, не так ли? — насмешливо поинтересовался Бюсси, стараясь придать своему голосу как можно более презрительное звучание.

— Нет, сударь, — сказал Келюс. — Не на жаворонков, а на кабана. Нам надо во что бы то ни стало раздобыть его голову.

— А зверь? — спросил д'Антрагэ.

— Уже поднят, — ответил Шомберг.

— Но ведь еще нужно знать, где он пройдет, — сказал Ливаро.

— Ну, мы попытаемся это разузнать, — успокоил его д'О. —

Не желаете ли поохотиться вместе с нами, господин де Бюсси?

— Нет, по правде говоря, я занят. Завтра мне нужно быть у герцога Анжуйского на приеме графа де Монсоро, которому герцог, как вы, наверное, слышали, выхлопотал должность главного ловчего.

— Ну а нынче ночью? — спросил Келюс.

— Сожалею, но и нынче ночью не могу. У меня свидание в одном таинственном доме в Сент-Антуанском предместье.

— Ах, вот как! — воскликнул д'Эпернон. — Неужели королева Марго инкогнито вернулась в Париж? Ведь, по слухам, господин де Бюсси, вы унаследовали де Ла Молю.

— Не стану отнекиваться, но с недавних пор я отказался от этого наследства, и на сей раз речь идет о совсем другой особе.

— И эта особа вас ждет в одной из улочек Сент-Антуанского предместья? — спросил д'О.

— Вот именно, и я даже хочу обратиться к вам за советом, господин де Келюс.

— Рад вам услужить. Хотя я и не принадлежу к судейскому словолию, но все же горжусь тем, что никому еще не давал дурных советов, в особенности — друзьям.

— Говорят, что парижские улицы по ночам небезопасны, а Сент-Антуанское предместье весьма уединенная часть города. Какую дорогу вы посоветовали бы мне избрать?

— Черт побери! — сказал Келюс. — Луврскому перевозчику непременно придется ждать вас всю ночь до утра, поэтому на вашем месте, сударь, я воспользовался бы маленьким паромом в Прэ-о-Клерк и спустился бы вниз по реке до угловой башни, затем я пошел бы по набережной до Гран-Шатле, и дальше по улице Тиксерандери, добрался бы до Сент-Антуанского предместья. Коли, дойдя до конца улицы Сент-Антуан, вам удастся без всяких происшествий миновать Турнельский дворец, вероятно, вы живым и невредимым постучитесь в дверь вашего таинственного дома.

— Благодарю за столь подробное описание дороги. Итак, вы сказали: паром в Прэ-о-Клерк, угловая башня, набережная до Гран-Шатле, улица Тиксерандери, затем улица Сент-Антуан. Будьте уверены — я не сверну с этого пути, — пообещал Бюсси.

И, поклонившись пятерым миньонам, он удалился, нарочито громко обратившись к Бальзаку д'Антрагэ:

— Решительно, с этим народом не о чем толковать, Антрагэ. Уйдем отсюда.

Ливаро и Рибейрак со смехом последовали за Бюсси и д'Антрагэ; удаляясь, вся компания несколько раз оборачивалась назад, словно обсуждая миньонов.

Миньоны сохраняли спокойствие, по-видимому, они решили ни на что не обращать внимания.

Когда Бюсси вошел в последнюю гостиную, где находилась госпожа де Сен-Люк, ни на минуту не терявшая из виду своего супруга, Сен-Люк многозначительно повел глазами в сторону удалявшегося фаворита герцога Анжуйского. Жанна с чисто женской пронизательностью тут же все поняла: она догнала Бюсси и преградила ему путь.

— О господин де Бюсси, — сказала Жанна, — все кругом только и говорят что о вашем последнем сонете. Уверяют, что он...

— Высмеивает короля? — спросил Бюсси.

— Нет, прославляет королеву. Ах, умоляю, прочтите его мне.

— Охотно, сударыня, — сказал Бюсси.

И, предложив новобрачной руку, он начал на ходу декламировать свой сонет.

Тем временем Сен-Люк незаметно подошел к миньонам, они слушали Келюса.

— По таким отметинам зверя легко выследить. Итак, решено: угол Турнельского дворца, около Сент-Антуанских ворот, напротив дворца Сен-Поль.

— И прихватить с собой лакея? — спросил д'Эпернон.

— Никоим образом, Ногарэ, никоим образом, — возразил Келюс, — мы пойдем одни, только мы одни будем знать нашу тайну, мы своими руками выполним свой долг. Я ненавижу Бюсси, но я счел бы себя опозоренным, если бы позволил палке лакея прикоснуться к нему. Бюсси дворянин с головы до ног.

— Выйдем вместе, все шестеро? — осведомился Можирон.

— Все пятеро, а не все шестеро, — подал голос Сен-Люк.

— Ах да, ведь ты женат. А мы-то все еще по старой памяти числим тебя холостяком! — воскликнул Шомберг.

— Сен-Люк прав, — вмешался д'О, — пусть он, бедняга, хоть на первую брачную ночь останется с женой.

— Вы ошибаетесь, господа, — сказал Сен-Люк. — Моя жена безусловно стоит того, чтобы я остался с ней, но не она меня удерживает, а король.

— Неужели король?

— Да, король. Его величество высказал желание, чтобы я проводил его до Лувра.

Молодые люди посмотрели на Сен-Люка с улыбкой, которую наш новобрачный тщетно пытался истолковать.

— Чего тебе еще надо? — сказал Келюс. — Король пылает к тебе столь необыкновенной дружбой, что прямо шагу без тебя ступить не может.

— К тому же мы вполне обойдемся и без Сен-Люка, — добавил Шомберг. — Оставим же нашего приятеля на попечение его короля и его супруги.

— Гм, но ведь мы идем на крупного зверя, — усомнился д'Эпернон.

— Ба! — беззаботно воскликнул Келюс. — Пусть только его выгонят на меня и дадут мне копье, а все остальное я беру на себя.

Тут они услышали голос Генриха: король звал Сен-Люка.

— Господа, — сказал новобрачный, — вы слышите, меня зовет король. Счастливой охоты, до встречи.

И Сен-Люк покинул общество своих друзей, но, вместо того чтобы поспешить к королю, он проскользнул мимо все еще стоя-

щих шпалерами вдоль стен зрителей и отдыхающих танцоров и подошел к двери, за ручку которой уже взялся Бюсси, удерживаемый юной новобрачной, делавшей все, что было в ее силах, лишь бы не выпустить гостя.

— А! Доброй ночи, господин де Сен-Люк, — сказал Бюсси. — Но что случилось? Почему у вас такой возбужденный вид? Неужели и вы решили присоединиться к большой охоте, которую здесь собирают? Такое решение делает честь вашему мужеству, но не вашей галантности.

— Сударь, — ответил Сен-Люк, — у меня возбужденный вид, потому что я вас искал.

— В самом деле?

— И боялся, как бы вы не ушли. Милая Жанна, передайте вашему батюшке, пусть он попробует задержать короля. Мне нужно сказать господину де Бюсси два слова с глазу на глаз.

Жанна поторопилась выполнить поручение, она ничего не понимала во всех этих неотложных делах, но покорно подчинялась воле своего мужа, так как чувствовала, что речь идет о чем-то очень важном.

— Ну так что вы хотите мне сказать, господин де Сен-Люк? — оведомился Бюсси.

— Я хотел вам сказать, сударь, что парижские улицы нынче опасны, и ежели у вас назначено свидание на сегодняшний вечер, то лучше будет перенести его на завтра, а ежели вы все-таки попадете в окрестности Бастилии, то избегайте Турнельского дворца: там есть один уголок, в котором могут спрятаться несколько человек. Вот и все, что я хотел вам сказать, господин де Бюсси. У меня и в мыслях нет, что человека, подобного вам, можно чем-то напугать, боже упаси, но подумайте хорошенько.

В эту минуту на весь зал раздался жалобный вопль Шико:

— Сен-Люк, мой маленький Сен-Люк! Что с тобой? Зачем ты прятаться? Ведь ты видишь, я жду тебя и без тебя не хочу возвращаться в Лувр.

— Я здесь, государь! — крикнул в ответ Сен-Люк, устремляясь на голос шута.

Рядом с Шико стоял Генрих III; паж уже подавал ему тяжелый плащ на горностаевом меху, другой паж держал наготове длинные — до локтей — перчатки, а третий — бархатную маску на атласной подкладке.

— Государь, — обратился Сен-Люк одновременно к обоим Генрихам. — Я буду иметь честь сопровождать вас с факелом до носилок.

— Нет, — ответил король. — Шико едет в одну сторону, я — в другую. Эти бездельники, твои друзья, отправились куда-то провожать Масленицу и предоставили мне возвращаться в Лувр в одиночестве. Я на них понадеялся, а они меня безбожно подвели. Теперь тебе ясно — ты не можешь допустить, чтобы я уехал отсюда один. Ты мужчина степенный и женатый, тебе и подобает доставить меня к королеве. Пошли, дружище, пошли! Эй! Коня господину Сен-Люку. Впрочем, нет, зачем тебе конь, мои носилки достаточно вместительны, в них найдется место для двоих.

Жанна де Бриссак не упустила ни звука из этого разговора. Она хотела заговорить, сказать Сен-Люку хотя бы одно слово, предупредить отца о том, что король увозит ее мужа, но Сен-Люк, приложив палец к губам, приказал ей молчать и держаться тише воды ниже травы.

«Черт возьми! — сказал про себя Сен-Люк. — Теперь, когда я улестил Франсуа Анжуйского, не будем ссориться с Генрихом Валуа».

— Государь, — продолжал он уже во всеуслышание, — я готов. Я так предан вашему величеству, что по первому зову последую за вами хоть на край света.

Тут началась отчаянная суматоха, бесчисленные церемонные приседания и поклоны, и вдруг все разом прекратилось, наступила мертвая тишина — придворные хотели услышать, что скажет король на прощание Жанне де Бриссак и ее отцу. Король распротился с молодой женщиной и маршалом в самых милостивых выражениях.

Потом кони храпели и били копытами во дворе, и в витражах плясали красноватые отблески факелов. Наконец все придворные французского королевства и все свадебные гости, кто смеялся, кто дрожа от холода, растворились в ночном тумане.

Оставшись со своими прислужницами, Жанна вошла в спа-

льно и преклонила колени перед образом особенно чтимого ею святого. Потом она отослала служанок, распорядившись, чтобы к возвращению ее супруга для него был приготовлен легкий ужин, и осталась одна.

Маршал де Бриссак проявил еще большую заботу о своем зяте: он отрядил шесть копейщиков, наказав им дожидаться у дверей Лувра выхода Сен-Люка и сопровождать его домой. Но спустя два часа один из солдат вернулся и сообщил маршалу, что в Лувре закрыли все входы и начальник караула, запирая последнюю дверь, сказал:

— Не торчите здесь попусту, этой ночью больше никто не выйдет из Лувра. Его величество отошел ко сну, и все спят.

Маршал передал это известие своей дочери, Жанна объявила, что она очень тревожится, не сможет уснуть и намерена бодрствовать в ожидании мужа.

Глава II,

ИЗ КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ, ЧТО НЕ ВСЕГДА ВХОДИТ В ДОМ ТОТ, КТО ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

В те времена Сент-Антуанские ворота представляли собой род каменного свода, напоминающего арку ворот Сен-Дени или Сен-Мартенских ворот в современном нам Париже. С левой стороны к ним вплотную подходили какие-то постройки, другим своим концом примыкавшие к Бастилии и как бы связывавшие Сент-Антуанские ворота со старой крепостью. Справа от ворот и до Бретонского дворца простирался обширный, мрачный и грязный пустырь. Если в дневное время на нем еще можно было встретить прохожего, то с наступлением темноты всякое движение тут затихало, ибо в те времена улицы по ночам превращались в воровские притоны, а ночные дозоры были редкостью. Запоздалые пешеходы робко жались к стенам крепости, поближе к часовому на башне, который, правда, не был в состоянии прийти на выручку, но мог хотя бы позвать на помощь и своими криками отпугнуть грабителей.

Само собой разумеется, что в зимние ночи прохожие вели себя еще более осмотрительно, нежели в летние.

Ночь, ознаменованная событиями, о которых мы только что рассказали, а также другими происшествиями, о которых нам еще предстоит поведать читателю, выдалась на редкость темной и морозной, небо сплошь затянули черные, низкие тучи, и, спаситель-

ного часового за зубцами королевской твердыни невозможно было разглядеть, да и ему, в свою очередь, не стоило даже и пытаться различить на пустыре каких-нибудь прохожих.

Со стороны города перед Сент-Антуанскими воротами не стояло ни одного дома, там тянулись две высокие стены: справа — ограда церкви Святого Павла, а слева — стена, окружавшая Турнельский дворец. Эта последняя, подходя к улице Сент-Катрин, образовывала внутренний угол, тот «уголок», о котором Сен-Люк говорил Бюсси.

Дальше тесно жались друг к другу домишки, расположенные между улицей Жуи и широкой улицей Сент-Антуан, перед которой в те времена проходила улица Бийет и высилась церковь Святой Екатерины.

Ни один фонарь не освещал только что описанную нами часть старого Парижа. В те ночи, когда луна брала на себя освещение земли, здесь, на фоне звездного неба, четко выделялся огромный силуэт Бастилии, мрачной, величественной и неподвижной. В безлунные ночи на месте крепости виднелось лишь черное пятно густого мрака, сквозь которое там и сям пробивался бледный свет редких окон.

Описываемая нами ночь началась сильным морозом и должна была завершиться обильным снегопадом; в такую ночь ничья нога не осмеливалась ступить на растрескавшуюся землю пустыря, этого подобия дороги, ведущей в предместье, которой, как мы уже знаем, избегали запоздалые путники, предпочитавшие, безопасности ради, делать крюк. Однако опытный глаз мог бы заметить в углу, образуемом стеной Турнельского дворца, подозрительные черные тени, которые время от времени шевелились, наводя на мысль, что это какие-то бедолаги пытаются сохранить естественное тепло своих тел, с каждой минутой все более и более похищаемое у них неподвижностью, на которую они, по-видимому, сами добровольно обрекли себя в ожидании предстоящего события. Ночной мрак не позволял часовому на крепостной башне видеть, что происходит на площади, часовой также не мог слышать и разговор подозрительных теней, потому что они переговаривались шепотом. А между тем беседа их представляет для нас некоторый интерес.

— Этот бешеный Бюсси правильно нам накаркал, — сказала одна тень, — ночка сегодня вроде тех, что мы видели в Варшаве, когда король Генрих был польским королем; если так и дальше пойдет, то пророчество Бюсси сбудется — у нас кожа потрескается.

— Ну, ну, Можирон, что это ты расхныкался, как баба, — ответила другая тень. — Конечно, сейчас не жарко, но закутайся поплотней в плащ, засунь поглубже руки в карманы, и ты перестанешь зябнуть.

— Легко тебе говорить, Шомберг, — вмешалась третья тень, — сразу видно, что ты немец и сызмальства приучен к холоду. А вот у меня из губ кровь сочится, а на усах сосульки растут.

— А у меня руки мерзнут, — отозвался четвертый голос. — Могу пари держать — пальцы уже отмерзли.

— Бедненький Келюс, что же ты не захватил с собой муфту твоей маменьки? — ответил Шомберг. — Она была бы счастлива ссудить ее тебе, скажи ты ей только, что муфта поможет избавиться от ее ненаглядного Бюсси, которого она ставит на одну доску с чумой.

— Ах, боже мой, да имейте же терпение, — произнес пятый голос. — Еще минута, и, я уверен, вы будете жаловаться на жару.

— Да услышит тебя Господь, д'Эпернон! — сказал Можирон, постукивая ногами.

— Это не я, — отозвался д'Эпернон, — это д'О сказал. А я молчу, боюсь, как бы слова не замерзли.

— Что ты говоришь? — спросил Келюс у Можирона.

— Д'О сказал, — ответил тот, — что пройдет минута — и нам станет жарко, а я заключил: «Да услышит тебя Господь!»

— Кажется, Господь его услышал, я вижу, по улице Сен-Поль что-то движется.

— Ошибаешься. Это не может быть он.

— А почему?

— Потому что он намеревался ехать не по ней.

— Ну и что из того? Разве не мог он почуять неладное и поехать другой дорогой?

— Вы не знаете Бюсси. Раз уж он сказал, по какой дороге поедет, то по ней он обязательно и поедет, даже если будет знать, что сам дьявол караулит его в засаде.

— Ну а пока что, — сказал Келюс, — там все же идут два человека.

— Верно, верно, — подхватило несколько голосов, подтверждая достоверность его наблюдения.

— В таком случае, господа, чего мы ждем? Вперед! — предложил Шомберг.

— Минуточку, — вмешался д'Эпернон, — стоит ли потрошить добрых буржуа или честную повитуху?.. Ага! Они останавливаются.

Действительно, дойдя до перекрестка улиц Сен-Поль и Сент-Антуан, два человека, заинтересовавшие пятерых друзей, остановились, словно в нерешительности.

— Ну и ну! Неужели они нас увидели? — сказал Келюс.

— Откуда же? Мы и сами-то себя с трудом различаем.

— Верно, — согласился Келюс. — Гляди-ка! Гляди! Они свернули налево... остановились перед каким-то домом... чего-то ищут.

— Ей-богу, ты прав.

— Похоже, что они собираются войти, — сказал Шомберг. — Неужели мы их упустим?

— Но это не он, ведь он намеревался идти в Сент-Антуанское предместье, а эти двое вышли из улицы Сен-Поль и спустились вниз, — возразил Можирон.

— Ну а кто поручится, — настаивал Шомберг, — что эта про-двунная бестия не провела нас? Он мог сбить нас с толку то ли нечаянно — по забывчивости, то ли умышленно — из хитрости.

— Правда твоя, так могло случиться, — согласился Келюс.

Это предположение заставило всю компанию миньонов стремительно броситься вперед. Как свора голодных псов, они выскочили из своего убежища и, размахивая обнаженными шпагами, ринулись на двух человек, остановившихся перед дверью какого-то дома.

Один из двух незнакомцев уже повернул было ключ в замочной скважине и дверь подалась, но тут шум, поднятый нападающими, заставил таинственных пришельцев обернуться.

— Что там такое, д'Орильи? — спросил, оборачиваясь, тот, кто был пониже ростом. — Не на нас ли покушаются?

— Ах, монсеньор, — ответил тот, кто открывал дверь, — мне кажется, дело идет к этому. Вы сообразоволяете назвать себя или пожелаете сохранить инкогнито?

— Они вооружены! Мы в ловушке!

— Какие-нибудь ревнивцы нас выследили. Боже правый! Я говорил вам не раз — эта дама такая красотка, что непременно должна иметь поклонников.

— Войдем, д'Орильи, поторопись, лучше выдерживать осаду за дверью, чем перед дверью.

— Да, монсеньор, если только в крепости вас не ждут враги. Но кто поручится?..

Орильи не успел кончить. Миньоны короля с быстротой молнии преодолели пространство в сотню шагов, отделявшее их от двух пришельцев. Келюс и Можирон, бежавшие вдоль стены, бросились между дверью и незнакомцами, дабы отрезать им путь к от-

ступлению. Шомберг, д'О и д'Эпернон приготовились напасть со стороны улицы.

— Смерть ему! Смерть ему! — вопил Келюс, как всегда самый неистовый из всей компании.

Вдруг тот, кого величали монсеньором и у кого спрашивали, не пожелает ли он сохранить инкогнито, повернулся к Келюсу, сделал шаг вперед и надменно скрестил руки на груди.

— Мне послышалось, вы угрожали смертью наследнику французского престола, господин де Келюс? — зловещим голосом отчеканил он.

Келюс отшатнулся, в глазах у него потемнело, колени подогнулись, руки бессильно опустились.

— Монсеньор герцог Анжуйский! — воскликнул он.

— Монсеньор герцог Анжуйский! — хором повторили все остальные.

— Ну как, мои дворянчики, — угрожающе сказал Франсуа, — будем мы еще кричать: «Смерть ему! Смерть ему!»?

— Монсеньор, — пробормотал д'Эпернон, — это была просто шутка. Простите нас.

— Монсеньор, — поддержал его д'О, — мы даже и мысли допустить не могли, что встретим ваше высочество в этом глухом квартале, на окраине Парижа.

— Шутка! — воскликнул Франсуа, не достаивая д'О ответом. — У вас странная манера шутить, господин д'Эпернон. Ну что ж, раз это не меня, то кого же тогда вы хотели заколоть шутки ради?

— Монсеньор, — почтительно сказал Шомберг, — мы видели, как Сен-Люк вышел из дворца Монморанси и направился в эту сторону. Его поведение нас удивило, и мы захотели узнать, с какой целью супруг оставляет свою жену в первую брачную ночь.

Оправдание звучало довольно правдоподобно: на следующий день герцогу Анжуйскому, по всей вероятности, донесли бы, что Сен-Люк не ночевал во дворце Монморанси, и выдумка Шомберга таким образом подтвердилась бы.

— Господин де Сен-Люк? Неужели вы меня приняли за Сен-Люка, господа?

— Да, монсеньор, — в один голос ответили пятеро друзей.

— Но разве мыслимо так грубо ошибиться? — усомнился герцог Анжуйский. — Господин де Сен-Люк на целую голову выше меня.

— Это так, монсеньор, но он одинакового роста с господином д'Орильи, который имеет честь вас сопровождать, — нашелся Келюс.

— И потом, ночь такая темная, монсеньор, — подхватил Можирон.

— И еще — того человека, который вкладывал ключ в замочную скважину, мы приняли за самого главного из вас двоих, — пробормотал д'О.

— И, наконец, — заключил Келюс, — монсеньор не может предположить, что мы осмелились бы даже помыслить против него что-нибудь дурное, что мы дерзнули бы помешать пусть даже развлечениям его высочества.

Задавая вопросы и выслушивая более или менее складные ответы, диктуемые растерянностью или страхом, Франсуа предпринял ловкий стратегический маневр: разговаривая, он шаг за шагом удалялся от порога той двери, у которой его захватили, и шаг за шагом, подобно тени, следовал за ним д'Орильи, его лютнист, его неизменный спутник в ночных похождениях. Таким образом, они незаметно отошли на значительное расстояние от заветного дома, и миньонам уже не удалось бы узнать его среди других строений.

— Моим развлечениям! — с горечью воскликнул герцог. — Да откуда вы взяли, что я ищу здесь развлечений?!

— Ах, монсеньор, в любом случае, что бы вас сюда ни привело, — ответил Келюс, — простите нас. Мы тотчас же уходим.

— Хорошо. Прощайте, господа.

— Монсеньор, — счел нужным добавить д'Эпернон, — как хорошо известно вашему высочеству, мы народ не болтливый.

Герцог Анжуйский, уже сделавший было шаг, собираясь уйти, резко остановился и нахмурил брови.

— О чем вы толкуете, господин Ногарэ, и кто от вас требует, чтобы вы не болтали?

— Монсеньор, мы подумали: выше высочество одни, в этот час, в сопровождении только своего доверенного лица...

— Ошибаетесь. Вот что следует думать, и я желаю, чтобы вы это думали, относительно того, почему я оказался здесь в столь поздний час...

Пятеро друзей застыли в глубочайшем почтительнейшем внимании.

— Я пришел сюда, — продолжал герцог Анжуйский, старательно растягивая слова, словно желая навеки запечатлеть в памяти слушателей каждый звук, — я пришел сюда посоветоваться с евреем Манасесом, он умеет гадать на стекле и кофейной гуще. Как вы знаете, Манасес проживает на улице Турнель. Д'Орильи вас заметил издали и принял за лучников, делающих обход. Тогда, — добавил принц, с особой, свойственной ему свирепой насмешливостью, которой страшились все, кто знал его характер, — как и подобает постоянным посетителям колдунов, мы попытались спрятаться: прижались к стене и хотели укрыться в дверной нише от ваших грозных взглядов.

Давая эти разъяснения, принц незаметно вышел на улицу Сен-Поль и оказался на расстоянии голоса от часовых Бастилии, предосторожность отнюдь не излишняя в случае нового нападения, возможность которого, несмотря на все клятвенные заверения и униженные извинения миньонов, герцог отнюдь не считал исклю-

ченной: ему было слишком хорошо известно, какую застарелую и глухую ненависть питает к нему его царствующий брат.

— Теперь вы знаете, чему следует верить и, главное, что следует говорить, а посему прощайте, господа. Само собой разумеется, не трудитесь меня сопровождать.

Миньоны низкими поклонами распрощались с принцем, который направился в сторону, противоположную той, куда двинулись они, и несколько раз оборачивался, дабы увериться, действительно ли они уходят.

— Монсеньор, — обратился к принцу д'Орильи. — Клянусь, эти люди замышляют недоброе. Время уже к полночи. Мы здесь, как они говорят, в глухом квартале. Вернемся побыстрее во дворец, монсеньор, вернемся немедленно.

— Нет, — сказал принц, останавливаясь, — напротив, воспользуемся их уходом.

— Ваше высочество ошибаетесь. Они и не думают уходить. Монсеньор может в этом удостовериться своими собственными глазами; взгляните, они спрятались в том убежище, откуда выскочили на нас. Видите, монсеньор, вон там, в этом закоулке на углу Турнельского дворца.

Франсуа всмотрелся в темноту, д'Орильи был совершенно прав. Все пятеро снова укрылись в том же самом углу. Несомненно, появление принца помешало им привести в исполнение какой-то замысел. И, может быть даже, они остались в этом пустынном месте с целью выследить принца и его спутника и убедиться, действительно ли те идут к еврею Манасесу.

— Итак, монсеньор, какое решение вы приняли? — спросил д'Орильи. — Я заранее подчиняюсь любому приказу вашего высочества, но, по моему разумению, оставаться здесь было бы неосторожно.

— Проклятье, — сказал принц. — До чего же досадно прекращать игру!

— Я вас вполне понимаю, монсеньор, но ведь партию можно и отложить. Я уже имел честь сообщить вашему высочеству все, что мне удалось разузнать. Дом снят на год, мы знаем, что апартаменты дамы — на втором этаже, мы достигли взаимного понимания со служанкой, у нас есть ключ от входной двери. С такими козырями на руках мы можем не спешить.

— Ты уверен, что дверь открылась?

— Совершенно уверен, к ней подошел третий ключ из тех, что я принес с собой.

— Кстати, а ты ее запер?

— Дверь?

— Да.

— Ну конечно, монсеньор.

Как бы искренно ни прозвучал ответ д'Орильи на вопрос его покровителя, мы все же должны сказать, что фаворит герцога далеко не был уверен в том, что запер дверь, хотя хорошо помнил, что открыл ее. Однако его убежденный тон не оставлял герцогу и тени сомнения ни в первом, ни во втором.

— И все же, — сказал принц, — я был бы не прочь узнать...

— Что они там делают, монсеньор? Я вам могу сказать это почти безошибочно. Они сидят в засаде и кого-то подстерегают. Уйдем отсюда. У вашего высочества немало врагов. Кто знает, что они могут вытворить?

— Ну ладно, уйдем, я согласен, но мы обязательно вернемся.

— Только не этой ночью, монсеньор. Пусть ваше высочество поймет мои страхи. Мне повсюду мерещатся засады и ловушки; я всего боюсь, и это вполне понятно, ведь я сопровождаю первого принца крови... наследника короны... а столько людей хотят, чтобы она вам не досталась.

Эти слова так подействовали на Франсуа, что он тотчас же решился отступить, но, уходя, не преминул отпустить крепкое словцо по адресу тех, кто осмелился встать на его пути, пообещав себе отплатить сторицей всем пятерым.

— Что ж тут поделаешь? — сказал он. — Вернемся во дворец. Распроклятая свадьба уже кончилась, и Бюсси должен быть там. Ему-то, наверное, посчастливилось завязать добрую ссору, и он заколот или завтра утром заколет кого-нибудь из этих постельных миньонов. Такая мысль меня несколько утешает.

— Да будет так, монсеньор, станем уповать на Бюсси. Что до меня, то я не желаю ничего лучшего. Я, как и вы, ваше высочество, полагаюсь в этом отношении на Бюсси, как на каменную стену.

И герцог со своим верным спутником отправились восвояси.

Они еще не свернули за угол улицы Жуи, как наши пятеро друзей заметили, что на углу улицы Тизон показался всадник, закутанный в длинный плащ. Копыта коня сухо и четко стучали по окаменевшей земле, и белое перо на шляпе всадника в густом ночном мраке посеребрил бледный луч луны, которому удалось прорваться сквозь сплошную пелену туч и плотный, насыщенный дыханием близкого снегопада воздух. Всадник туго натягивал поводья, и у коня, вынужденного идти шагом, бока, несмотря на холод, были покрыты хлопьями пены.

— На этот раз он, — сказал Келюс.

— Нет, не он, — отозвался Можирон.

— Почему?

— Потому что этот один, а Бюсси мы оставили с Ливаро, д'Антрагэ и Рибейраком, они не позволили бы ему так рисковать.

— И все же это он, он, — сказал д'Эпернон. — Прислушайся, разве ты не распознаешь его звонкое «хм», взглядишь хорошенько, кто еще умеет так гордо закидывать голову? Он едет один.

— Тогда, — сказал д'О, — это ловушка.

— Ловушка или нет, в любом случае, — вмешался Шомберг, — это он, а раз так, то за шпаги, господа, за шпаги!

И действительно, всадником был Бюсси, который безмятежно ехал по улице Сент-Антуан, неотступно следуя по пути, указанному Келюсом. Как мы знаем, Сен-Люк предостерег его, и хотя слова хозяина дома заронили в душу молодого человека вполне понятную тревогу, все же, выйдя из дверей дворца Монморанси, он расстался со своими тремя друзьями. В этой беззаботности проявилось присущее Бюсси удалство, которое так ценил в себе сам доблестный полковник. Он говорил: «Я всего лишь простой дворянин, но в груди у меня сердце императора, и, когда я читаю в жизнеописаниях Плутарха о подвигах древних римлян, я не нахожу в античности ни одного героя, деяния которого я не мог бы повторить во всех подробностях».

К тому же Бюсси подумал, что, может быть, Сен-Люк, никогда не принадлежавший к числу его друзей, проявил о нем заботу лишь потому, что сам попал в затруднительное положение, Быть может, его предупреждение было сделано с тайным намерением напугать Бюсси, вынудить его принять излишние меры предосторожности и выставить в смешном виде перед врагами, если и в самом деле найдутся такие смельчаки, которые отважатся его подкараулить. А для Бюсси показаться смешным было страшнее, чем любая опасность. Даже у своих недругов он пользовался репутацией человека смелого до безрассудства и, стараясь поддерживать свою славу на тех вершинах, которых она достигла, шел на самые дерзостные выходы. Так же и в эту ночь, действуя по примеру героев Плутарха, он отослал домой трех товарищей — сильный эскорт, способный дать отпор целому эскадрону.

И вот теперь, в одиночестве, скрестив руки под плащом, вооруженный только шпагой и кинжалом, Бюсси ехал к дому, где его ожидало не любовное свидание, как это можно было подумать, а письмо, которое каждый месяц в один и тот же день посылала ему с нарочным королева Наваррская в память об их нежной дружбе. Бравый воин, неукоснительно выполняя обещание, данное им прекрасной Маргарите, всегда являлся в дом гонца за ее посланием ночью и без провожатых, дабы никого не скомпрометировать.

Бюсси беспрепятственно проделал часть пути от улицы Гран-Огюстен до улицы Сент-Антуан, но, когда он подъехал к улице Сент-Катрин, его настороженный, острый и приученный к темноте глаз различил во мраке у стены смутные очертания человеческих фигур, которые не заметил имевший меньшие основания быть настороже герцог Анжуйский. Не надо забывать и того, что даже человек, поистине мужественный сердцем, чуя приближение опасности, испытывает возбуждение и все его чувства, и его мозг напрягаются до предела.

Бюсси пересчитал черные тени на темной стене.

— Три, четыре, пять. Это еще без слуг, а слуги, наверное, засели где-нибудь поблизости и прибегут на подмогу по первому зову. Сдается мне, эти господа с должным почтением относятся к моей особе. Вот дьявол! Для одного человека дела тут выше головы. Так, так! Значит, благородный Сен-Люк меня не обманул, и если он даже первый проткнет мое брюхо в драке, все равно я скажу ему: «Спасибо за предупреждение, приятель!»

Рассуждая сам с собой, Бюсси продолжал двигаться вперед: его правая рука спокойно лежала под плащом, а левой он расстегнул пряжку у плаща.

И тут Шомберг крикнул: «За шпаги!», его товарищи повторили этот клич, и все пятеро выскочили на дорогу перед Бюсси.

— А, вот оно что, господа, — раздался резкий, но спокойный голос Бюсси, — видно, нашего бедного Бюсси собираются заколоть. Так это он, тот дикий зверь, тот славный кабан, на которого вы собирались поохотиться? Что ж, прекрасно, господа, кабан еще распорет брюхо кое-кому из вас, клянусь вам в этом, а вы знаете, что я не трачу клятв попусту.

— Пусть так! — ответил Шомберг. — И все же ты невежа, сеньор Бюсси д'Амбуаз. Ты разговариваешь с нами, пешими, восседая на коне.

При этих словах рука молодого человека, затянута в белый атлас, выскользнула из-под плаща и блеснула в лунном свете, как серебряная молния. Бюсси не понял смысла этого жеста, хотя и почуял в нем угрозу. Поэтому он хотел было, по своему обычаю, ответить дерзостью на дерзость, но, вонзив шпоры в брюхо лошади, почувствовал, что она пошатнулась и словно осела под ним. Шомберг с присущей ему ловкостью, не раз подтвержденной в многочисленных поединках, которые он, несмотря на юные годы, уже имел на своем счету, метнул нож с широким клинком, более тяжелым, чем рукоятка, и это страшное оружие, перерезав скакательный сустав коня, застряло в ране, как топор в стволе дерева.

Бедное животное глухо заржало, дернулось всем телом и упало на подогнувшиеся колени.

Бюсси, как всегда готовый к любым неожиданностям, молниеносно соскочил на землю со шпагой в руке.

— А, негодяи! — вскричал он. — Это мой любимый конь, вы мне за него дорого заплатите.

Шомберг смело ринулся вперед, но при этом плохо рассчитал длину шпаги Бюсси, которую наш герой держал прижатой к туловищу, — так можно ошибиться в дальности броска свернувшейся

спиралью ядовитой змеи, — рука Бюсси внезапно развернулась, словно туго сжатая пружина, и шпага проколола Шомбергу бедро.

Раненый вскрикнул.

— Отлично, — сказал Бюсси. — Вот я и сдержал свое слово. У одного шкура уже продырявлена. Тебе надо было подрезать шпагу Бюсси, а не сухожилия его лошади, растяпа.

И пока Шомберг перевязывал носовым платком раненую ногу, Бюсси с быстротою молнии бросился в бой, острие его длинной шпаги то сверкало у самых глаз, то чуть не касалось груди его противников. Он бился молча, ибо позвать на помощь, а следовательно, признаться в своей слабости, было бы недостойно имени, которое он носил. Бюсси ограничился тем, что обмотал свой плащ вокруг левой руки, превратив его в щит, и отступил на несколько шагов, но не замышляя спастись бегством, а рассчитывая добраться до стены, к которой можно было бы прислониться и, таким образом, прикрыть себя от нападения с тыла. При этом он не переставал вертеть шпагой во все стороны, и каждую минуту делал добрый десяток выпадов, порой ощущая мягкое сопротивление живой плоти, свидетельствующее, что удар достиг цели. Вдруг он поскользнулся и невольно взглянул себе под ноги. Этим мгновенно воспользовался Келюс и нанес ему удар в бок.

— Попал! — радостно закричал Келюс.

— Как же — в плащ, — ответил Бюсси, не желавший признаться, что он ранен. — Только трусы так попадают.

И, прыгнув вперед, он выбил из рук Келюса шпагу с такой силой, что она отлетела на десять шагов в сторону. Однако Бюсси не удалось воспользоваться плодами этой победы, так как в тот же миг на него с удвоенной яростью обрушились д'О, д'Эпернон и Можирон. Шомберг перевязал рану, Келюс подобрал шпагу, и Бюсси понял: сейчас он будет окружен, в его распоряжении останется не более минуты, если за эту минуту он не доберется до стены — он погиб.

Бюсси отпрыгнул назад, положив расстояние в три шага между собой и своими противниками; четыре шпаги устремились вослед и быстро догнали его, но слишком поздно: он успел сделать еще один скачок и прислониться к стене. Тут он остановился, сильный, как Ахилл или Роланд, встречая улыбкой бурю ударов и проклятий, которые обрушились на его голову.

Внезапно он почувствовал, что лоб его покрылся испариной, а в глазах помутилось.

Бюсси совсем позабыл о своей ране, и эти признаки близящегося обморока напомнили ему о ней.

— Ага, ты слабеешь, — крикнул Келюс, учащая удары.

— Суди сам, — сказал Бюсси — вот, получай!

И эфесом шпаги он хватил Келюса в висок. От удара этой железной руки миньон короля навзничь рухнул на землю.

И потом, возбужденный, разъяренный, словно дикий вепрь, который, отбросив насевших на него собак, сам кидается на своих врагов, Бюсси издал яростный вопль и ринулся вперед. Д'О и д'Эпернон отступили, Можирон поднял Келюса с земли и поддерживал его; Бюсси каблуком сломал шпагу Келюса и колющим ударом ранил д'Эпернона в предплечье. Одно мгновение казалось, что он победил. Но Келюс пришел в себя, а Шомберг, несмотря на рану, присоединился к товарищам, и снова четыре шпаги засверкали перед Бюсси. Бюсси вторично почувствовал себя на краю гибели. Он напрягся до предела, шаг за шагом, снова начал отходить к стене. Ледяной пот на лбу, глухой звон в ушах, кровавая пелена, застилающая глаза, — все свидетельствовало, что силы его исчерпаны. Шпага ему не повиновалась, мысли путались. Вытянутой назад левой рукой он нащупал стену и, прикоснувшись к ее холодной поверхности, почувствовал некоторое облегчение, но тут, к его великому удивлению, стена подалась под его рукой. То была не стена, а незапертая дверь.

Тогда Бюсси воспрянул духом и, понимая, что наступает решающий миг, собрал последние остатки сил. Он так стремительно и с такой яростью атаковал своих противников, что они либо опустили шпаги, либо отвели их в сторону. Воспользовавшись этой мгновенной передышкой, Бюсси проскользнул в дверной проем и, повернувшись, толкнул дверь резким ударом плеча. Щелкнул замок. Теперь все было позади. Смертельная опасность миновала. Бюсси победил, потому что сумел остаться в живых.

Затуманенным радостью глазом он при-

жался к дверному окошечку и сквозь частую решетку увидел бледные, растерянные, злые лица своих врагов. Сначала раздался глухой стук — это шпаги со всего маху вонзались в толстую деревянную дверь, затем загремели крики бешенства и безрассудные вызовы. И тогда Бюсси почувствовал, что земля уходит из-под ног и стена шатается. Он сделал три шага вперед и оказался в какой-то прихожей, затем повернулся кругом и упал навзничь на ступеньки лестницы. Ему показалось, что он падает в глубокую, темную яму. И больше Бюсси ничего не чувствовал.

Глава III О ТОМ, КАК ИНОГДА БЫВАЕТ ТРУДНО ОТЛИЧИТЬ СОН ОТ ЯВИ

Прежде чем потерять сознание, Бюсси успел засунуть носовой платок под рубашку и сверху прижать его перевязью от шпаги, соорудив таким образом некое подобие повязки на глубокую и пылающую рану, откуда вытекала горячая струя крови. Но к тому времени он уже потерял много крови, и обморок, о котором мы рассказали в предыдущей главе, был неизбежен.

Однако то ли в возбужденном от боли и гнева мозгу раненого, несмотря на глубокий обморок, все еще теплилось сознание, то ли обморочное состояние на некоторое время сменилось лихорадкой, которая, в свою очередь, уступила место новому обмороку, но вот что он увидел или что привиделось ему за этот миг бодрствования или сна — мгновение сумерек, промелькнувшее между мраком двух ночей.

Он лежит в какой-то комнате, обставленной мебелью резного дерева, стены комнаты покрыты гобеленами с изображениями людей, потолок расписан. Люди на гобеленах стоят в самых разнообразных позах: одни держат в руках цветы, другие — копья; кажется, будто они вышли из стен и толпятся, пытаясь по какой-то невидимой лестнице взобраться на потолок. В проеме между окнами висит портрет женщины, напоенный светом, однако Бюсси чудится, что рамкой портрету служит дверной наличник. Бюсси лежит неподвижно, словно прикованный к своему ложу сверхъестественной силой, лишенный возможности даже пошевелиться, утратив все свои чувства, кроме зрения, и с нежностью смотрит на окружающие его человеческие фигуры. Его восхищают и жеманные улыбки дам с цветами в руках, и неестественно бурный гнев кавалеров, вооруженных шпагами. Видит он эти фигуры впервые

или где-то они уже ему встречались? Этого он не может понять, мыслям мешает ощущение тяжести в голове.

Вдруг ему кажется, что портрет ожил, восхитительное создание вышло из рамы и приближается к нему; на женщине длинное белое платье, подобное одеяниям ангелов, белокурые волосы волнами ниспадают на плечи, глаза под густыми бархатистыми ресницами сверкают, как черная яшма, кожа настолько тонка, что, кажется, можно увидеть, как под ней переливается кровь, окрашивая ее в нежный розовый цвет. Дама с портрета сияет волшебной красотой, ее протянутые руки манят Бюсси. Он судорожно пытается вскочить с постели и упасть к ногам незнакомки, но его удерживают на ложе узы, подобные тем, которые держат брненное тело в могиле, пока душа, пренебрегая земным притяжением, возносится в небеса.

Это досадное чувство скованности заставляет Бюсси обратить внимание на постель, где он лежит. Он видит великолепную кровать резного дерева, из тех, что изготовлялись во времена Франциска I, балдахин у нее из белого шелка, тканного золотом.

При виде женщины Бюсси перестает интересоваться фигурами на стенах и потолке. Незнакомка с портрета становится для него всем, он пытается разглядеть пустое место, которое должно было бы остаться в раме. Однако какое-то облачко, непроницаемое для глаз, плавает перед рамой и скрывает ее из виду, тогда Бюсси переносит свой взор на таинственное видение и весь сосредоточивается на этом чудесном образе. Он пробует обратиться к нему с мадригалом, которые имел обыкновение слагать в честь прекрасных дам.

Но внезапно женщина исчезает, чья-то темная фигура закрывает ее от Бюсси. Эта фигура неуверенно движется вперед, вытянув перед собой руки, словно игрок в жмурки, которому выпало водить.

Кровь ударяет в голову Бюсси, раненый приходит в такое неистовство, что, будь он только в состоянии двигаться, он немедленно бросился бы на непрошеного гостя; по правде говоря, он даже пытается броситься, но не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Пока Бюсси тщетно порывается встать с постели, к которой его словно приковали, незнакомец говорит:

— Уже все? Я пришел наконец?

— Да, мэтр, — отвечает ему голос, такой нежный, что все фибры сердца Бюсси трепещут, — вы можете снять повязку.

Бюсси силится приподнять голову, он хочет взглянуть, не даме ли с портрета принадлежит этот дивный голос, но его попытка неуваживается успехом. В поле зрения Бюсси — только молодой,

ладный мужчина, который, повинаясь сделанному ему приглашению, снял с глаз повязку и растерянно оглядывает комнату.

«Пусть убирается к дьяволу», — думает Бюсси. И хочет выразить свою мысль словами или жестом, но ни голос, ни руки ему не повинуются.

— А, вот теперь я понимаю! — восклицает молодой мужчина, приближаясь к постели. — Вы ранены, не так ли, мой любезный господин? Ну что ж, попробуем вас заштопать.

Бюсси рад бы ответить, но знает, что для него это невозможно. Глаза его застилает ледяной туман, и словно тысячи острых иголок впиваются в кончики пальцев.

— Неужели рана смертельна? — слышит он все тот же нежный голос, исполненный такого горестного сочувствия, что у Бюсси выступают на глазах слезы, теперь уже он не сомневается — голос принадлежит даме с портрета.

— Еще не знаю, сударыня, минуту терпения, и я отвечу на ваш вопрос, — говорит молодой мужчина, — а пока что он опять сознание потерял.

И это было все, что смог разобрать Бюсси, ему еще показалось, что он слышит удаляющееся шуршание юбки, потом ему, словно раскаленным железом, пронзили бедро, и последние искры сознания, еще тлевшие в его мозгу, разом потухли.

Впоследствии Бюсси никак не мог определить, какое время продолжался его обморок.

Когда он очнулся, холодный ветер обдувал ему лицо, слух царапали какие-то хриплые и крикливые голоса. Он открыл глаза — посмотреть, не фигуры ли это с гобеленов пререкаются с фигурами на потолке, и, рассчитывая найти портрет на месте, завертел головой в разные стороны. Но не было ни гобеленов, ни потолка, да и сам портрет исчез бесследно. Справа от Бюсси стоял мужчина в серой блузе и повязанном вокруг пояса белом, замаранном кровью, переднике, слева монах из монастыря Святой Женевьевы, склонившись, поддерживал ему голову, прямо перед Бюсси какая-то старуха бормотала молитвы.

Блуждающий взор молодого человека вскоре остановился на возвышавшейся впереди каменной стене, скользнул вверх по ней, измеряя высоту, и раненый узнал Тампль, угловую башню Бастилии. Холодное, блеклое небо над Тамплем робко золотили первые лучи восходящего солнца.

Бюсси лежал просто-напросто на улице или, вернее, на краю рва, и этот ров был рвом Тампля.

— Ах, благодарю вас, добрые люди, что взяли на себя труд принести меня сюда, — сказал Бюсси. — Мне не хватало воздуха,

но ведь можно было открыть окна в комнате, мне было куда покойнее там — на моей постели с белыми с золотом занавесками, чем здесь — на сырой земле. Ну да не в этом дело. ...У меня в кармане, если только вы не позаботились сами расплатиться с собой за свои труды, что было бы весьма предусмотрительно с вашей стороны... так вот у меня в кармане найдется десятка два золотых экю. Они ваши, друзья мои, забирайте их.

— Но, сиятельный господин, — сказал мясник, — мы вовсе не переносили вас сюда, вы лежали здесь, на этом самом месте, мы шли мимо рано утром и увидали вас.

— Вот дьявол, — выругался Бюсси, — а молодой лекарь тут был?

Присутствующие переглянулись.

— Все еще бредит, — заметил монах, сокрушенно качая головой.

Затем он обратился к Бюсси:

— Сын мой, я думаю, что вам подошло бы исповедаться.

Бюсси испуганно посмотрел на монаха.

— Тут не было никакого лекаря, наш бедный, добрый молодой человек, — запрочитала старуха. — Вы лежали здесь, один-одинешенек и холодный, как покойничек. Гляньте, вокруг вас все снежком запорошило, а под вами земля черная.

Бюсси почувствовал боль в боку, вспомнил, что получил удар шпагой, просунул руку под плащ и нащупал перевязь, а под ней — на ране носовой платок, на том самом месте, куда он его подложил накануне.

— Ничего не понимаю, — сказал он.

Воспользовавшись полученным разрешением, все, кто стоял около Бюсси, не мешкая поделили между собой содержимое кошелька, осыпая его владельца громкими выражениями сочувствия.

— Ладно, — сказал Бюсси, когда дележка закончилась, — все это прекрасно, друзья мои. Ну а сейчас доставьте меня домой.

— Ах, будьте покойны, будьте покойны, бедный, добрый молодой человек, — затараторила старуха, — мясника бог силушкой не обидел, а потом — он и лошадь держит и может вас на нее посадить.

— Правда? — спросил Бюсси.

— Святая правда, — отозвался мясник, — и я сам, и мой коняга готовы вам служить.

— И все-таки, сын мой, — сказал монах, когда мясник отправился за своим конем, — я посоветовал бы вам свести счета с Господом.

— Как вас величают, святой отец? — спросил Бюсси.

— Меня зовут брат Горанфло.

— Послушай-ка, братец Горанфло, — сказал Бюсси, усаживаясь, — я надеюсь, что эта минута для меня еще не наступила. К тому же, отче, я тороплюсь. Я совсем замерз и хотел бы уже быть у себя во дворце и согреться.

— А как называется ваш дворец?

— Дворец Бюсси.

— Как! Дворец Бюсси?

— Ну и что тут удивительного?

— Значит, вы из людей Бюсси?

— Я сам Бюсси, собственной персоной.

— Бюсси! — завопила толпа. — Сеньор де Бюсси! Храбрый Бюсси! Бич миньонов! Да здравствует Бюсси!

И на плечах собравшегося простонародья молодой человек был с почетом доставлен в свой дворец, а монах, на ходу пересчи-

тывая золотые экую, доставшиеся на его долю, покачивал головой и бормотал:

— Если это тот самый головорез Бюсси, то я не удивляюсь, что он не пожелал исповедаться.

Вернувшись в свой дворец, Бюсси велел позвать хирурга, который его обычно пользовал. Эскулап нашел рану несерьезной.

— Скажите мне, — обратился к нему Бюсси, — этой раной уже кто-нибудь занимался?

— По правде говоря, я не могу это утверждать, хотя, пожалуй, рана выглядит очень свежей.

— А могла ли она вызвать бред?

— Конечно.

— Вот дьявол, — выругался Бюсси. — И все же — эти фигуры с цветами и копьями, расписной плафон, резная кровать с шелковыми занавесками, белыми с золотом, портрет очаровательной черноглазой блондинки, лекарь, который играл в жмурки и которому я чуть было не крикнул: «Горячо!», неужели все это бред, а в действительности была лишь драка с миньонами? Тогда — где же я дрался? Ах да, вспомнил. Возле Бастилии, около улицы Сен-Поль. Я прислонился к стене, но это была не стена, а дверь, и, на мое счастье, она открылась. Я с трудом ее закрыл. А потом я оказался в прихожей и тут потерял сознание, и больше ничего не помню. Может быть, мне все привиделось, вот в чем вопрос! Да, кстати, а мой конь? Ведь там, на месте боя, должны были подобрать моего убитого коня. Доктор, прошу вас, кликните кого-нибудь.

Врач позвал слугу.

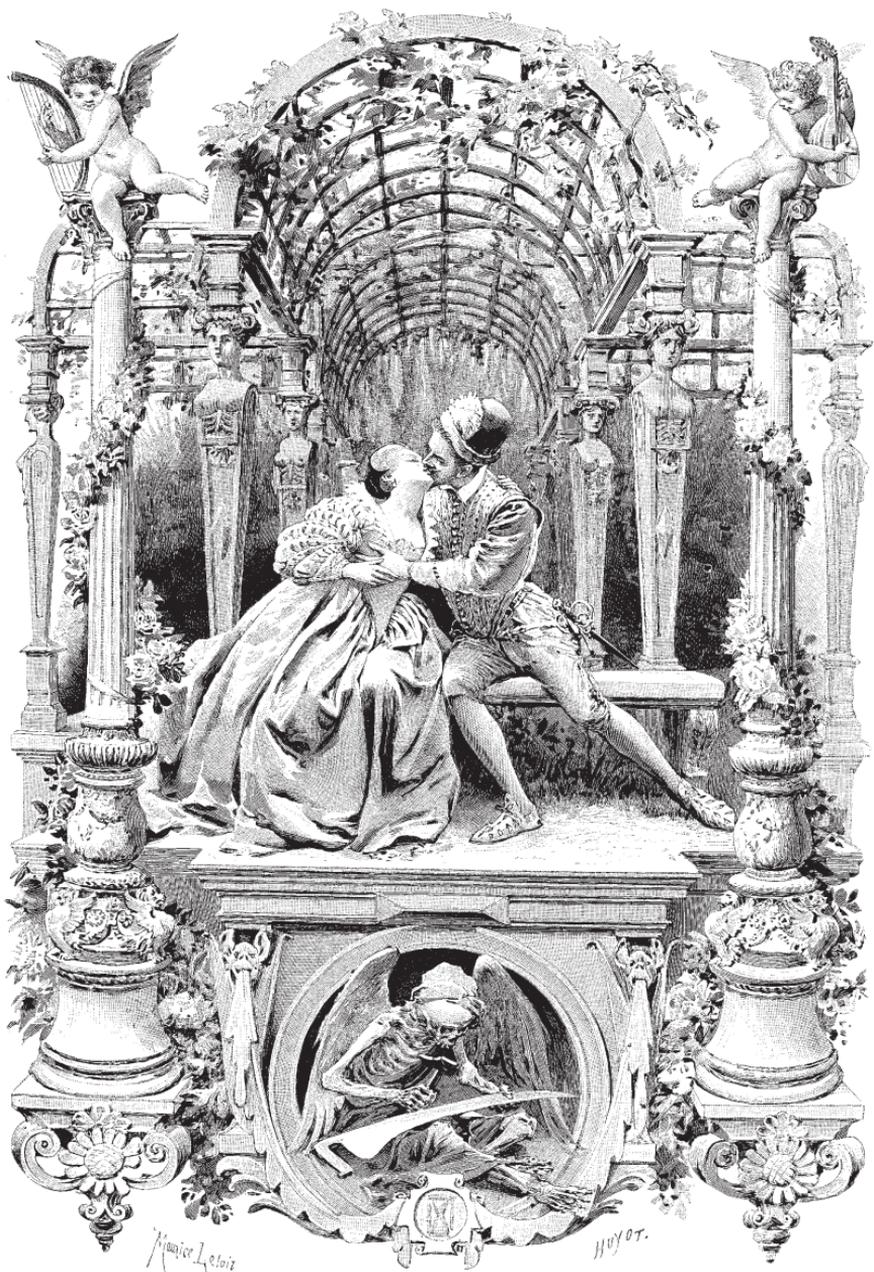
Бюсси расспросил пришедшего и узнал, что конь, искалеченный, истекающий кровью, на рассвете притащился домой и ржанием разбудил челядинцев. Тотчас же во дворце подняли тревогу, люди Бюсси, боготворившие своего господина, ни минуты не медля, бросились на розыски, и большая часть их еще не вернулась.

— Значит, бредом был только портрет, — рассуждал Бюсси, — и, наверное, он действительно мне привиделся. Разве мыслимо, чтобы портрет выходил из рамы и беседовал с лекарем, у которого завязаны глаза? Да я просто рехнулся! И все же, как мне помнится, дама на портрете была восхитительна. У нее...

И Бюсси начал вызывать в воображении женский образ во всех подробностях; страстная дрожь — трепет любви, который согревает и будоражит душу, — с бархатистой мягкостью скользнула по его груди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I УЛИЦА ФЕРОНРИ

У Шико были крепкие ноги, и он, конечно, не преминул бы воспользоваться этим преимуществом и догнать человека, ударившего Горанфло дубинкой, если бы поведение незнакомца и особенно его спутника не показалось шутом подозрительным и не навело его на мысль, что встреча с этими людьми таит опасность, ибо он может неожиданно узнать их, чего они, по всей видимости, отнюдь не желают. Оба беглеца явно старались поскорее затеряться в толпе, но на каждом углу оборачивались назад, дабы удостовериться в том, что их не преследуют.

Шико подумал, что он может остаться незамеченным, только если пойдет впереди. Незнакомцы по улицам Монэ и Тирешап вышли на улицу Сент-Оноре; на углу этой последней Шико прибавил ходу, обогнал их и притаился в конце улицы Бурдонэ.

Дальше знакомцы двинулись по улице Сент-Оноре, держась домов, расположенных на той стороне, где хлебный рынок; шляпы их были надвинуты на лоб по самые брови, лица — прикрыты плащами до глаз; быстрым, по-военному четким шагом они направлялись к улице Феронри. Шико продолжал идти впереди.

На углу улицы Феронри двое мужчин снова остановились, чтобы еще раз оглядеться.

К этому времени Шико успел опередить их настолько, что был уже в средней части улицы.

Здесь, перед домом, который, казалось, вот-вот развалится от ветхости, стояла карета, запряженная двумя дюжими лошадьми. Шико приблизился и увидел возницу, дремавшего на козлах, и женщину, с беспокойством, как показалось гасконцу, выглядывавшую из-за занавесок. Его осенила догадка, что карета ожидает тех двух мужчин. Он обошел ее и, под прикрытием двойной тени — от кареты и от дома, нырнул под широкую каменную скамью, служившую прилавком для торговцев зеленью, которые в те времена дважды в неделю продавали свой товар на улице Феронри.

Не успел Шико забиться под скамью, как те двое были уже возле лошадей и снова остановились, настороженно оглядываясь.

Один из них принялся расталкивать возницу, и так как тот продолжал спать крепким сном праведника, отпустил в его адрес весьма выразительное гасконское проклятие. Между тем его спутник, еще более нетерпеливый, кольнул кучера в зад острием своего кинжала.

— Эге, — сказал Шико, — значит, я не ошибся: это мои земляки. Нет ничего удивительного, что они так славно отлупили Горанфло, ведь он ругал гасконцев.

Молодая женщина, признав в мужчинах тех, кого она ждала, поспешно высунулась из-за занавесок тяжелого экипажа. Тут Шико смог разглядеть ее получше. Лет ей можно было дать около двадцати или двадцати двух. Она была очень хороша собой и чрезвычайно бледна, и, будь то днем, по легкой испарине, увлажнявшей на висках ее золотистые волосы, по обведенным синевой глазам, по матовой бледности рук, по томности ее позы нетрудно было бы заметить, что она находится во власти недомогания, истинную природу которого очень скоро выдали бы ее частые обмороки и округлившийся стан.

Но Шико из всего этого увидел только, что она молода, бледна и светловолоса.

Мужчины подошли к карете и, естественно, оказались между нею и скамьей, под которой скорчился в три погибели Шико.

Тот, что был выше ростом, взял в свои ладони белоснежную ручку, протянутую ему дамой, поставил одну ногу на подножку, положил локти на край дверцы и спросил:

— Ну как, моя милочка, сердечко мое, прелесть моя, как мы себя чувствуем?

Дама в ответ с печальной улыбкой покачала головой и показала ему свой флакон с солями.

— Опять обмороки, святая пятница! Как бы я сердился на вас, моя любимая, за то, что вы так расхворались, если бы сам не был виновником вашей приятной болезни.

— И какого дьявола притащили вы госпожу в Париж? — довольно грубо спросил второй мужчина. — Что за проклятие, клянусь честью! Вечно к вашему камзолу какая-нибудь юбка пристегнута.

— Э, дорогой Агриппа, — сказал тот, что заговорил первым и казался мужем или возлюбленным дамы, — ведь так тяжело разлучаться с теми, кого любишь.

И он обменялся с предметом своей любви взглядом, исполненным страстного томления.

— С ума можно сойти, слушая ваши речи, клянусь спасением души! — возмутился его спутник. — Значит, вы приехали в Париж заниматься любовью, мой милый юбочник? По мне, так и в Беарне вполне достаточно места для ваших любовных прогулок и не было нужды забираться в этот Вавилон, где сегодня вечером мы, по вашей милости, уже раз двадцать чуть-чуть не попали в беду. Возвращайтесь в Беарн, коли вам хочется амурничать возле каретных занавесочек, но здесь — клянусь смертью Христовой! — никаких интриг, кроме политических, мой господин.

При слове «господин» Шико возымел желание приподнять голову и поглядеть, но он не мог сделать этого без риска быть обнаруженным.

— Пусть себе ворчит, моя милочка, не обращайтесь внимания. Стоит ему прекратить свою воркотню, и он наверняка заболит, у него начнутся, как у вас, испарины и обмороки.

— Но, святая пятница, как вы любите поговорить, — воскликнул ворчун, — уж если вам охота любезничать с госпожой, садитесь, по крайней мере, в карету, там безопаснее, на улице вас узнать могут.

— Ты прав, Агриппа, — сказал влюбленный гасконец. — Вы видите, милочка, советы у него совсем не такие скверные, как его физиономия. Дайте-ка мне местечко, прелесть моя, если вы не против, чтобы я сел возле вас, раз уж я не могу встать на колени перед вами.

— Я не только не против, государь, — ответила молодая дама, — я этого жажду всей душой.

— Государь! — прошептал Шико, невольно приподняв голову, которая крепко стукнулась о камень скамьи. — Государь! Что это она говорит?

Между тем счастливый любовник воспользовался полученным разрешением, и пол кареты заскрипел под дополнительным грузом.

Вслед за скрипом раздался звук продолжительного и нежного поцелуя.

— Клянусь смертью Христовой! — воскликнул мужчина, оставшийся на улице. — Человек и в самом деле всего лишь глупое животное.

— Пусть меня повесят, если я хоть что-нибудь в этом понимаю, — пробормотал Шико. — Но подождем. Терпение и труд все перетрут.

— О! Как я счастлив! — продолжал тот, кого называли государем, ничуть не обеспокоенный брюзжанием своего друга, брюзжанием, к которому он, по всей видимости, давно уже привык. — Святая пятница! Сегодня прекрасный день: одни добрые парижане ненавидят меня всей душой и убили бы без малейшей жалости, другие добрые парижане делают все возможное, чтобы расчистить мне дорогу к трону, а я держу в своих объятиях милую женщину! Где мы сейчас находимся, д'Обинье? Я прикажу, когда стану королем, воздвигнуть на этом месте памятник во славу доброго гения Беарнца.

— Беа... — Шико не договорил — он набил себе вторую шишку по соседству с первой.

— Мы на улице Феронри, государь, и она тут не очень-то приятно пахнет, — ответил д'Обинье, который вечно был в дурном настроении и, когда уставал сердиться на людей, сердился на все, что придется.

— Мне кажется, — продолжал Генрих, ибо наши читатели уже, без сомнения, узнали короля Наваррского, — мне кажется, что я вижу, вижу ясно всю свою будущую жизнь: я король, я сижу на троне, сильный и могущественный, хотя, возможно, и менее любимый, чем сейчас. Мой взгляд проникает в это будущее вплоть до моего смертного часа. О моя дорогая, повторяйте мне еще и еще, что вы меня любите, ведь при звуке вашего голоса сердце мое тает!

И в приступе грусти, которая его иной раз охватывала, Беарнец с глубоким вздохом опустил голову на плечо своей возлюбленной.

— Боже мой! — испуганно воскликнула молодая женщина. — Вам дурно, государь?

— Вот-вот! Только этого не доставало, — возмутился д'Обинье, — нечего сказать, хорош солдат, хорош полководец и король, который падает в обморок!

— Нет, нет, успокойтесь, моя милочка, — сказал Генрих, — упасть в обморок возле вас было бы счастьем для меня.

— Просто не понимаю, государь, — заметил д'Обинье, — почему это вы подписываетесь «Генрих Наваррский»? Вам следовало бы подписываться «Ронсар» или «Клеман Маро». Тело Христова! И как это вы ухитряетесь не ладить с госпожой Марго, ведь вы оба души не чаете в поэзии!

— Ах, д'Обинье, сделай милость, не говори мне о моей жене. Святая пятница! Ты же знаешь поговорку... Что, если мы вдруг встретимся здесь с Марго?

— Несмотря на то что она сейчас в Наварре, верно?

— Святая пятница! А я, разве я сейчас не в Наварре? Во всяком случае, разве не считается, что я там? Послушай, Агриппа, ты меня прямо в дрожь вогнал. Садись и поехали.

— Ну нет уж, — сказал д'Обинье, — езжайте, а я пойду за вами. Я вас буду стеснять, и, что того хуже, вы будете стеснять меня.

— Тогда закрой дверцу, ты, беарнский медведь, и поступай как тебе заблагорассудится, — ответил Генрих.

— Лаварен, туда, куда ты знаешь! — обратился он затем к вознице.

Карета медленно тронулась в путь, а за ней зашагал д'Обинье, который порицал друга, но считал необходимым оберегать короля.

Отъезд Генриха Наваррского избавил Шико от ужасных опасений: не такой человек был д'Обинье, чтобы оставить в живых неосторожного, подслушавшего его откровенный разговор с Генрихом.

— Следует ли Валуа знать о том, что здесь произошло? — сказал Шико, вылезая на четвереньках из-под скамьи. — Вот в чем вопрос.

Шико потянулся, чтобы вернуть гибкость своим длинным ногам, сведенным судорогой.

— А зачем ему знать? — продолжал гасконец, рассуждая сам с собой. — Двое мужчин, которые прячутся, и беременная женщина! Нет, поистине это было бы подлостью! Я ничего не скажу. К тому же, как я полагаю, оно не так уж и важно, поскольку в конечном-то счете правлю королевством я.

И Шико, в полном одиночестве, весело подпрыгнул.

— Влюбленные — это очень мило, — продолжал он, — но д'Обинье прав: наш дорогой Генрих Наваррский влюбляется слишком часто для короля *in partibus*¹. Всего год тому назад он

¹ Стран, населенных язычниками (*лат.*).

приезжал в Париж из-за госпожи де Сов. А нынче берет с собой очаровательную крошку, предрасположенную к обморокам. Кто бы это мог быть, черт возьми? По всей вероятности — Ла Фосsez. И потом, мне кажется, что если Генрих Наваррский серьезный претендент на престол, если он, бедняга, действительно стремится к трону, то ему не мешает малость призадуматься над тем, как уничтожить своего врага, Меченого, своего врага, кардинала де Гиза, и своего врага, милейшего герцога Майеннского. Мне-то он по душе, Беарнец, и я уверен, что, рано или поздно, он доставит неприятности этому богомерзкому живодеру из Лотарингии. Решено, я ни словечком не обмолвлюсь о том, что видел и слышал.

Тут в улицу ввалилась толпа пьяных лигистов с криками:

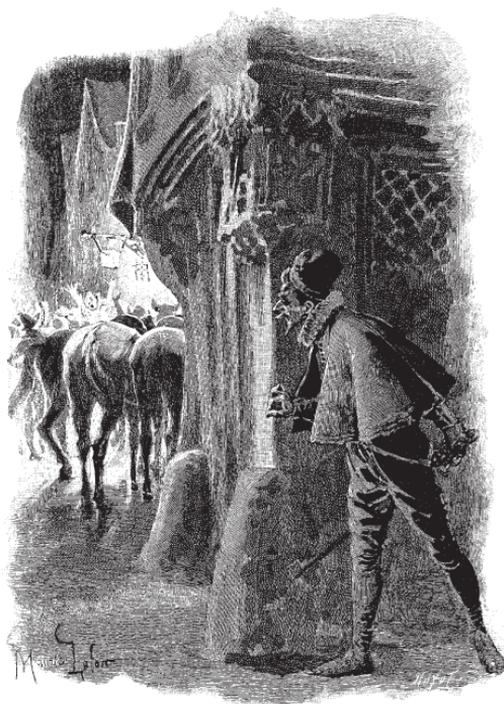
— Да здравствует месса! Смерть Беарнцу! На костер гугенотов! В огонь еретиков!

К этому времени карета уже свернула за угол стены кладбища Невинноубиенных и скрылась в глубине улицы Сен-Дени.

— Итак, — сказал Шико, — припомним, что было: я видел кардинала де Гиза, видел герцога Майеннского, видел короля Генриха Валуа, видел короля Генриха Наваррского. В моей коллекции не хватает только принца; это — герцог Анжуйский. Так отправимся же на поиски и будем искать его, пока не обнаружим. А и в самом деле, где мой Франциск Третий, клянусь святым чревом? Я жажду лицезреть его, этого достойного монарха.

И Шико направился в сторону церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа.

Не только Шико был занят поисками герцога Анжуйского и обеспокоен его отсутствием, Гизы также искали принца, и тоже безуспешно. Монсеньор герцог Анжуйский не был человеком, склонным к безрассуд-

ному риску, и позже мы увидим, какие опасения все еще удерживали его вдали от друзей.

На мгновение Шико показалось, что он нашел принца. Это случилось на улице Бетизи. У дверей винной лавки собралась большая толпа, и в ней Шико увидел господина Монсоро и Меченого.

— Добро! — сказал он. — Вот прилипали. Акула должна быть где-нибудь поблизости.

Шико ошибался. Господин де Монсоро и Меченый были заняты тем, что у дверей переполненного пьяницами кабачка усердно потчевали вином некоего оратора, подогревая таким способом его косноязычное красноречие.

Оратором этим был мертвецки пьяный Горанфло. Монах повествовал о своем путешествии в Лион и о поединке в гостинице с одним из мерзопакостных приспешников Кальвина.

Господин де Гиз слушал этот рассказ с самым неослабным вниманием, улавливая в нем какую-то связь с молчанием Николая Давида.

Улица Бетизи была забита народом. К круглой коновязи, в ту эпоху весьма обычной для большинства улиц, были привязаны кони многих дворян-лигистов. Шико остановился возле толпы, окружившей коновязь, и наострил уши.

Горанфло, разгоряченный, разбушевавшийся, без конца сползавший с седла то в одну, то в другую сторону, уже раз грохнувшийся на землю со своей живой кафедры и снова с грехом пополам водворенный на спину Панурга, лепетал что-то несвязное, но, к несчастью, все же еще лепетал и поэтому оставался жертвой настойчивых домогательств герцога и коварных вопросов господина де Монсоро, которые вытягивали из него обрывки признаний и клочья фраз.

Эта исповедь встревожила Шико совсем на иной лад, чем присутствие в Париже короля Наваррского. Он чувствовал, что приближается момент, когда Горанфло произнесет его имя, которое может озарить мрачным светом всю тайну. Гасконец не стал терять времени. Он где отвязал, а где и перерезал поводья лошадей, ластившихся друг к другу у коновязи, и, отвесив парочку крепких ударов ремнем, погнал их в самую гущу толпы, которая при виде скачущих с отчаянным ржанием животных раздалась и бросилась врассыпную.

Горанфло испугался за Панурга, дворяне — за своих коней и поклажу, а многие испугались и сами за себя. Народ рассеялся. Кто-то крикнул: «Пожар!», крик был подхвачен еще десятком голосов. Шико, как стрела, пронесся между людьми, подскочил к Го-

ранфлю и, глядя на него горящими глазами, при виде которых монахи сразу протрезвел, схватил Панурга под уздцы и, вместо того чтобы последовать за бегущей толпой, бросился в противоположную сторону. Очень скоро между Горанфлю и герцогом де Гизом образовалось весьма значительное пространство, которое в то же мгновение заполнил все прибывающий поток запоздалых зевак.

Тогда Шико увлек шатающегося на своем осле монаха в углубление, образованное абсидой церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, и прислонил его и Панурга к стене, как поступил бы скульптор с барельефом, который он собирается вделывать в стену.

— А, пропойца! — сказал Шико. — А, язычник! А, изменник! А, вероотступник! Так, значит, ты по-прежнему готов продать друга за кувшин вина?

— Ах, господин Шико! — пролепетал монах.

— Как! Я тебя кормлю, негодяй, — продолжал Шико, — я тебя пою, я набиваю твои карманы и твое брюхо, а ты предаешь своего господина!

— Ах! Шико! — сказал растроганный монах.

— Ты выбалтываешь мои секреты, несчастный!

— Любезный друг!

— Замолчи! Ты доносчик и заслужил наказание.

Коренастый, сильный, толстый монах, могучий, как бык, но укрощенный раскаянием и особенно вином, не пытался защищаться и, словно большой надутый воздухом шар, качался в руках Шико, который тряс его.

Один Панург восстал против насилия, учиняемого над его другом, и все пытался брыкнуть Шико, но удары его копыт не попадали в цель, а Шико отвечал на них ударами палки.

— Это я-то заслужил наказание? — бормотал монах. — Я, ваш друг, любезный господин Шико?

— Да, да, заслужил, — отвечал Шико, — и ты его получишь.

Тут палка гасконца перешла с ослиного крупа на широкие, мясистые плечи монаха.

— О! Будь я только не выпивши, — воскликнул Горанфлю в порыве гнева.

— Ты бы меня отколотил, не так ли, неблагодарная скотина? Меня, своего друга?

— Вы мой друг, господин Шико! И вы меня бьете!

— Кого люблю, того и бью.

— Тогда убейте меня, и дело с концом! — воскликнул Горанфлю.

— А стоило бы.

— О! Будь я только не выпивши, — повторил Горанфлю с громким стоном.

— Ты это уже говорил.

И Шико удвоил доказательства своей любви к бедному монаху, который жалостно заблеял.

— Ну вот, — сказал гасконец, — то он волк, а то овечкой прикидывается. А ну, влезай-ка на Панурга и отправляйся бай-бай в «Рог изобилия».

— Я не вижу дороги, — сказал монах, из глаз его градом катились слезы.

— А! — сказал Шико. — Коли бы ты еще вином плакал, которое выпил! По крайней мере, хоть протрезвел бы, может быть! Но нет, оказывается, мне еще и поводырем твоим нужно сделаться.

И Шико повел осла под уздцы, в то время как монах, вцепившись обеими руками в луку седла, прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить равновесие.

Так прошествовали они по мосту Менье, улице Сен-Бартелеми, мосту Пти-Пон и вступили на улицу Сен-Жак. Шико тянул осла, монах лил слезы.

Двое слуг и мэтр Бономе по распоряжению Шико стащили Горанфло со спины осла и отвели в уже известную нашим читателям комнату.

— Готово, — сказал, вернувшись, мэтр Бономе.

— Он лег? — спросил Шико.

— Храпит...

— Чудесно! Но так как через денек-другой он все же проснется, помните: я не хочу, чтобы он знал, как очутился здесь. Никаких объяснений! Будет даже неплохо, коли он решит, что и вовсе не выходил отсюда с той славной ночи, когда он учинил такой громкий скандал в своем монастыре, и примет за сон все, что случилось с ним в промежутке.

— Понял, сеньор Шико, — ответил трактирщик, — но что с ним стряслось, с этим бедным монахом?

— Большая беда. Кажется, он поссорился в Лионе с посланцем герцога Майеннского и убил его.

— О бог мой!.. — воскликнул хозяин. — Так значит...

— Значит, герцог Майеннский, по всей вероятности, поклялся, что не будь он герцог, если не колесует его заживо, — ответил Шико.

— Не волнуйтесь, — сказал Бономе, — он не выйдет отсюда ни за что на свете.

— В добрый час! А теперь, — продолжал гасконец, успокоенный насчет Горанфло, — совершенно необходимо разыскать герцога Анжуйского. Что ж, поищем!

И он отправился во дворец его величества Франциска III.

Глава II ПРИНЦ И ДРУГ

Как мы уже знаем, во время вечера лиги Шико тщетно искал герцога Анжуйского на улицах Парижа.

Вы помните, что герцог де Гиз пригласил принца прогуляться по городу; это приглашение обеспокоило принца, всегда отличавшегося подозрительностью. Франсуа предался размышлениям, а после размышлений он обычно делался осторожней всякой змеи.

Однако в его интересах было увидеть собственными глазами все, что произойдет на улицах вечером, и поэтому он счел необходимым принять приглашение, но в то же время решил не покидать свой дворец без подобающей случаю надежной охраны.

Всякий человек, когда он испытывает страх, хватается за свое излюбленное оружие, и герцог тоже отправился за своей шпагой, а этой шпагой был Бюсси д'Амбуаз.

Должно быть, герцог был основательно напуган, если уж он решился на такой шаг. Бюсси, обманутый в своих надеждах касательно графа де Монсоро, избегал герцога, и Франсуа в глубине души понимал, что на месте своего любимца, если бы, разумеется, заняв его место, он одновременно приобрел и его храбрость, он сам испытывал бы по отношению к принцу, который его так жестоко предал, нечто большее, чем простое презрение.

Что касается Бюсси, то молодой человек, подобно всем избранным натурам, гораздо живее воспринимал страдания, чем радости: как правило, мужчина, бесстрашный перед лицом опасности, сохраняющий хладнокровие и спокойствие при виде клинка и пистолета, поддается горестным переживаниям скорее, чем трус. Легче всего женщины заставляют плакать тех мужчин, перед которыми трепещут другие мужчины.

Бюсси был словно одурманен своим горем; он видел, что Диана принята при дворе как графиня де Монсоро, возведена королевой Луизой в ранг придворной дамы; он видел, что тысячи любопытных глаз пожирают эту красоту, не имеющую себе равных, красоту, которую он, можно сказать, открыл, извлек из могилы, где она была погребена. В течение всего вечера он не отрывал горящего взора от молодой женщины, но она ни разу не подняла на него своих опущенных глаз, и среди праздничного блеска Бюсси, несправедливый, как всякий по-настоящему влюбленный мужчина, Бюсси, который предал забвению прошлое и сам истребил в своей душе все призраки счастья, порожденные в ней прошлым, Бюсси не подумал, как должна страдать Диана от того, что ей нельзя поднять глаза и увидеть среди всех этих равнодушных или глупо любопытных лиц лицо, затуманенное милой ее сердцу печалью.

«Да, — сказал себе Бюсси, видя, что ему не дожидаться от Дианы взгляда, — женщины ловки и бесстрашны только тогда, когда им надо обмануть опекуна, мужа или мать, но они становятся неумелыми и трусливыми, когда требуется заплатить простой долг признательности; они так боятся, чтобы их не сочли влюбленными, так высоко расценивают свою малейшую милость, что, желая привести в отчаяние того, кто их домогается, способны без всякой жалости разбить ему сердце, если им придет в голову такая фантазия. Диана могла мне откровенно сказать: «Благодарю за все, что вы для меня сделали, господин де Бюсси, но я вас не люблю!» Я бы или умер на месте, или излечился. Но нет! Она предпочитает, чтобы я любил ее понапрасну. Однако этому не бывать, потому что я ее больше не люблю. Я презираю ее».

И с сердцем, преисполненным ярости, он отошел от придворных, окружавших короля.

В эту минуту лицо его не было тем лицом, на которое все женщины взирали с любовью, а все мужчины со страхом: лоб Бюсси был нахмурен, глаза блуждали, рот исказила кривая усмешка.

Идя к выходу, он увидел свое отражение в венецианском зеркале и сам себе показался отвратительным.

«Я безумец, — решил он. — Как! Из-за одной женщины, которая мною пренебрегает, я оттолкнул от себя сотню других, готовых сделать меня своим избранником. Но из-за чего она мною пренебрегает, вернее, из-за кого?»

Не из-за этого ли долговязого скелета с бледным, как у покойника, лицом, который все время торчит в двух шагах от нее и не сводит с нее ревнивого взгляда... и тоже делает вид, что меня не замечает? Подумать только, стоит мне захотеть, и через четверть часа он будет лежать под моим коленом, безмолвный и холодный, с

клинком моей шпаги в сердце; подумать только, стоит мне захотеть, и я могу залить ее белоснежное платье кровью того, кто приколол к нему эти цветы; подумать только, стоит мне захотеть, и, не в силах заставить любить себя, я заставил бы, по крайней мере, бояться меня и ненавидеть.

О! Лучше ее ненависть, лучше ненависть, чем безразличие!

Да, но это было бы мелко и пошло: так поступил бы какой-нибудь Келюс или Можирон, если бы келюсы и можироны умели любить. Лучше быть похожим на того героя Плутарха, которым я всегда восхищался, на юного Антиоха — он умер от любви, не отважившись ни на одно признание, не произнеся ни слова жалобы. Да, я буду хранить молчание! Да, я, сражавшийся один на один со всеми самыми грозными людьми этого века, я, выбивший шпагу из рук самого Крийона, храбреца Крийона, — он стоял передо мною безоружный, и жизнь его была в моей власти, — я погашу свое страдание, удушу его в своем сердце, как Геракл удушил гиганта Антея, и ни разу не дам ему возможности коснуться ногой его матери — надежды. Нет ничего невозможного для меня, для Бюсси, которого, как Крийона, зовут храбрецом; все, что свершили античные герои, свершу и я».

При этих словах молодой человек расслабил свои конвульсивно скрюченные пальцы, которыми раздирал себе грудь, провел ладонью по мокрому от пота лбу и медленно направился к двери. Его кулак уже поднялся было, чтобы грубо отбросить портьеру, но Бюсси призвал на помощь все свое терпение и выдержку и вышел — с улыбкой на устах, ясным челом... и вулканом в сердце.

Правда, встретив по дороге герцога Анжуйского, он отвернулся, ибо почувствовал, что всех душевных сил неостанет ему, чтобы улыбнуться или хотя бы поклониться этому человеку, который называл его своим другом и так подло предал.

Проходя мимо, принц окликнул его по имени, но Бюсси даже не повернул головы.

Он возвратился к себе. Положил на стол шпагу, вынул из ножен кинжал и отцепил ножны, сам расстегнул плащ и камзол и упал в большое кресло, откинув голову на щит с родовым гербом, украшавший спинку.

Слуги, заметив отсутствующий вид их господина, решили, что он хочет вздремнуть, и удалились. Бюсси не спал — он грезил.

Он просидел так несколько часов, не замечая, что в другом конце комнаты тоже сидит человек и пристально за ним наблюдает, не двигаясь, не произнося ни звука, по всей вероятности ожидая повода, чтобы словом или знаком обратить на себя его внимание.

Наконец ледяная дрожь пробежала по спине Бюсси, и веки его затрепетали; наблюдатель не шевельнулся.

Вскоре зубы графа начали выбивать дробь, пальцы скрючились, голова, внезапно налившаяся тяжестью, скользнула по спинке кресла и упала на плечо.

В это мгновение человек, который следил за ним, со вздохом поднялся со своего стула и подошел к Бюсси.

— Господин граф, — сказал он, — вас лихорадит.

Граф поднял лицо, красное от жара.

— А, это ты, Реми, — пробормотал он.

— Да, граф, я вас ждал здесь.

— Почему?

— Потому, что там, где страдают, долго не задерживаются.

— Благодарю вас, мой друг, — сказал Бюсси, протягивая Одуэну руку.

Реми стиснул в своих ладонях эту грозную руку, ставшую теперь слабее детской ручонки, и с нежностью и уважением прижал к своей груди.

— Послушайте, граф, надо решить, что вам больше по душе: хотите, чтобы лихорадка взяла над вами верх и убила вас, — оставайтесь на ногах; хотите перебороть ее — ложитесь в постель и прикажите читать вам какую-нибудь замечательную книгу, в которой можно почерпнуть хороший пример и новые силы.

Графу ничего другого не оставалось, как повиноваться; он повиновался.

Друзья, явившиеся навестить Бюсси, застали его уже в постели.

Весь следующий день Реми провел у изголовья графа. Он выступал в двух качествах — врача тела и целителя души. Для тела у него были освежающие напитки, для души — ласковые слова.

Но через сутки, в тот самый день, когда господин де Гиз явился в Лувр, Бюсси огляделся и увидел, что Реми возле него нет.

«Он устал, — подумал Бюсси, — это вполне естественно! Бедный мальчик, ему так нужны воздух, солнце, весна. К тому же его, несомненно, ожидает Гертруда. Гертруда всего лишь служанка, но она его любит... Служанка, которая любит, стоит больше королевы, которая не любит».

Так прошел весь день. Реми все не возвращался, и как раз потому, что его не было, Бюсси особенно хотелось его видеть. В нем поднималось раздражение против бедного лекаря.

— Эх, — уже не раз вздохнул он, — а я-то верил, что еще существуют признательность и дружба! Нет, больше я ни во что не хочу верить!

К вечеру, когда улицы стали наполняться шумной толпой народа, когда наступившие сумерки уже мешали ясно различать предметы в комнате, Бюсси услышал многочисленные и очень громкие голоса в прихожей.

Вбежал насмерть перепуганный слуга.

— Монсеньор, там герцог Анжуйский, — сказал он.

— Пусть войдет, — ответил Бюсси, нахмурившись при мысли, что его господин проявляет о нем заботу, тот господин, даже любовь которого была ему противна.

Герцог вошел. В комнате Бюсси не было света: большим сердцам милы потемки, ибо они населяют их призраками.

— Тут слишком темно, Бюсси, — сказал герцог. — Это должно наводить на тебя тоску.

Бюсси молчал, отвращение сковывало ему уста.

— Ты так серьезно болен, — продолжал герцог, — что не можешь мне ответить?

— Я действительно очень болен, монсеньор, — пробормотал Бюсси.

— Значит, поэтому ты и не был у меня эти два дня? — сказал герцог.

— Да, монсеньор, — подтвердил Бюсси.

Герцог, задетый лаконизмом ответов, сделал несколько кругов по комнате, разглядывая выступавшие из мрака скульптуры и щупая ткани.

— Ты неплохо устроился, Бюсси, по крайней мере, на мой взгляд, — заметил он.

Бюсси не отвечал.

— Господа, — обратился герцог к своей свите, — обождите меня в соседней комнате. Решительно, мой бедный Бюсси серьезно болен. Почему же не позвали Мирона? Лекарь короля не может быть слишком хорош для Бюсси.

Один из слуг Бюсси покачал головой, герцог заметил это движение.

— Послушай, Бюсси, у тебя какое-нибудь горе? — спросил он почти заискивающим тоном.

— Не знаю, — ответил граф.

Герцог приблизился к нему, подобный тем отвергаемым влюбленным, которые, по мере того как их отталкивают, становятся все мягче и нежнее.

— Ну что же это такое? Поговори же со мной наконец, Бюсси! — воскликнул он.

— О чем я могу с вами говорить, монсеньор?

— Ты сердисься на меня, а? — прибавил герцог, понизив голос.

— Сержусь? За что? К тому же на принцев не сердятся, какой в этом прок?

Герцог замолчал.

— Однако, — вступил на этот раз Бюсси, — мы даром теряем время на всякие околичности. Перейдемте к делу, монсеньор.

Герцог посмотрел на Бюсси.

— Я вам нужен, не так ли? — спросил тот с жестокой прямо-той.

— Господин де Бюсси!

— Э! Конечно же я вам нужен, повторяю. Думаете, я так и поверил, что вы пришли навестить меня из дружбы? Нет, клянусь богом, нет! Ведь вы никого не любите.

— О! Бюсси! Как можешь ты обращаться ко мне с подобными словами!

— Хорошо, покончим с этим. Говорите, монсеньор! Что вам нужно? Если ты принадлежишь принцу, если этот принц притворяется до такой степени, что называет тебя «мой друг», то, очевидно, надо быть ему благодарным за это притворство и пожертвовать ему всем, даже жизнью. Говорите!

Герцог покраснел, но было темно, и никто не увидел его смущения.

— Мне ничего от тебя не было нужно, Бюсси, — сказал он, — и напрасно ты думаешь, что я пришел с каким-то расчетом! Я всего лишь хотел взять тебя с собой прогуляться немного по городу. Ведь погода такая чудесная! И весь Париж взволнован тем, что нынче вечером будут записывать в члены лиги.

Бюсси поглядел на герцога.

— Разве у вас нет Орильи? — спросил он.

— Какой-то лютнист!

— О! Монсеньор! Вы забываете про остальные его таланты. Мне казалось, что он у вас выполняет и другие обязанности. Да и помимо Орильи у вас есть еще десяток или дюжина дворян: я слышу, как их шпаги стучат о панели моей прихожей.

Портьера на дверях медленно отодвинулась.

— Кто там? — спросил высокомерно герцог. — Кто смеет без предупреждения входить в комнату, где нахожусь я?

— Это я, Реми, — ответил Одуэн и торжественно, не проявляя ни малейших признаков смущения, вступил в комнату.

— Что это еще за Реми? — спросил герцог.

— Реми, монсеньор, — ответил молодой человек, — это лекарь.

— Реми больше, чем мой лекарь, монсеньор, — добавил Бюсси, — он мой друг.

— А! — произнес задетый этими словами герцог.

— Ты слышал желание монсеньора? — спросил Бюсси, готовый встать с постели.

— Да, чтобы вы сопровождали монсеньора, но...

— Но что? — сказал герцог.

— Но вы, господин граф, не будете его сопровождать, — продолжал Одуэн.

— Это еще почему?! — воскликнул Франсуа.

— Потому, что на улице слишком холодно, монсеньор.

— Слишком холодно? — переспросил герцог, пораженный тем, что ему возражают.

— Да, слишком холодно. И поэтому я, отвечающий за здоровье господина де Бюсси перед его друзьями и особенно перед самим собой, запрещаю ему выходить.

Несмотря на эти слова, Бюсси все же поднялся на постели, но Реми взял его руку и многозначительно пожал ее.

— Прекрасно, — сказал герцог. — Если прогулка столь опасна для вашего здоровья, оставайтесь.

И Франсуа, в крайнем раздражении, сделал два шага к двери.

Бюсси не шевельнулся.

Герцог снова возвратился к кровати.

— Так, значит, решено, ты не хочешь рисковать?

— Вы же видите, монсеньор, — ответил Бюсси, — мой лекарь запрещает мне.

— Тебе следовало бы позвать Мирона, Бюсси, это опытный врач.

— Монсеньор, я предпочитаю врача-друга врачу-ученому, — возразил Бюсси.

— В таком случае прощай.

— Прощайте, монсеньор.

И герцог с большим шумом удалился.

Как только он покинул дворец Бюсси, Реми, провожавший его взглядом до самого выхода, бросился к больному.

— А теперь, сударь, вставайте, пожалуйста, и как можно скорее.

— Зачем?

— Чтобы отправиться на прогулку со мной. В комнате слишком жарко.

— Но ты только что говорил герцогу, что на улице слишком холодно.

— С тех пор как он ушел, температура изменилась.

— Значит?.. — сказал, приподнимаясь, заинтересованный Бюсси.

— Значит, теперь, — ответил Одуэн, — я убежден, что свежий воздух пойдет вам на пользу.

— Ничего не понимаю, — сказал Бюсси.

— А разве вы понимаете что-нибудь в микстурах, которые я вам даю? Тем не менее вы их проглатываете. Ну, живей! Поднимайтесь! Прогулка с герцогом Анжуйским была опасна; с вашим лекарем она будет целительной. Это я вам говорю. Может быть, вы мне больше не доверяете? В таком случае откажитесь от моих услуг.

— Ну что ж, пойдем, раз ты этого хочешь, — сказал Бюсси.

— Так надо.

Бледный и дрожащий Бюсси встал на ноги.

— Интересная бледность, красивый больной! — заметил Реми.

— Но куда мы пойдем?

— В один квартал, где я как раз сегодня сделал анализ воздуха.
— И этот воздух?
— Целителен для вашего заболевания, монсеньор.
Бюсси оделся.
— Шляпу и шпагу! — приказал он.
Он надел первую и опоясался второй.
Затем вышел на улицу вместе с Реми.

Глава III ЭТИМОЛОГИЯ УЛИЦЫ ЖЮСЬЕН

Реми взял своего пациента под руку, свернул налево, в улицу Кокийер, и шел по ней до крепостного вала.
— Странно, — сказал Бюсси, — ты ведешь меня к болотам Гранж-Бательер, это там-то, по-твоему, целительный воздух?

— Ах, сударь, — ответил Реми, — чуточку терпения. Сейчас мы пройдем мимо улицы Пажевен, оставим справа от нас улицу Бренез и выйдем на Монмартр; вы увидите, что это за прелестная улица.

— Ты полагаешь, я ее не знаю?

— Ну что ж, если вы ее знаете, тем лучше! Мне не надо будет тратить время на то, чтобы знакомить вас с ее красотами, и я без промедления отведу вас на одну премилую маленькую улочку. Идемте, идемте, больше я не скажу ни слова.

И в самом деле, после того как Монмартрские ворота остались слева и они прошли около двухсот шагов по улице, Реми свернул направо.

— Но ты меня дурачишь, Реми, — воскликнул Бюсси, — мы возвращаемся туда, откуда пришли.

— Эта улица называется улицей Жипсьен или Эжипсьен, как вам будет угодно, народ уже начинает именовать ее улицей Жисьен, а вскорости и вовсе будет называть улицей Жюсьен, потому что так звучит приятней и потому что в духе языков — чем дальше к югу, тем больше умножать гласные. Вы должны бы знать это, сударь, ведь вы побывали в Польше. Там, у этих забияк, и до сих пор по четыре согласных кряду ставятся, и поэтому разговаривают они, словно камни жуют, да при этом еще бранятся. Разве не так?

— Так-то оно так, — сказал Бюсси, — но ведь мы сюда пришли не за тем, чтобы изучать филологию. Послушай, скажи мне: куда мы идем?

— Поглядите на эту церквушку, — сказал Реми, не отвечая на вопрос, — какова? Ах, монсеньор, как отлично она расположена: фасадом на улицу, а абсидой — в сад церковного прихода! Бьюсь об заклад, что до сих пор вы ее не замечали!

— В самом деле, — сказал Бюсси, — я ее не видел.

Бюсси не был единственным знатным господином, который никогда не переступал порога церкви Святой Марии Египетской, этого храма, посещаемого только народом и известного прихожанам также под именем часовни Кокерон.

— Ну что ж, — сказал Реми, — теперь, когда вы знаете, как эта церковь называется, монсеньор, и когда вы вдоволь налюбовались ею снаружи, войдемте, и вы поглядите на витражи нефа: они любопытны.

Бюсси посмотрел на Одуэна и увидел на лице молодого человека такую ласковую улыбку, что сразу понял: молодой лекарь привел его в церковь не за тем, чтобы показать ему витражи, которые к тому же при вечерних сумерках и нельзя было толком разглядеть, а совсем с другой целью.

Однако кое-чем в церкви можно было полюбоваться, потому что она была освещена для предстоящей службы: стены ее украшали наивные росписи XVI века; такие фрески еще сохранились в немалом количестве в Италии благодаря ее прекрасному климату, а у нас сырость, с одной стороны, и вандализм, с другой, стерли со стен эти предания минувших времен, эти свидетельства веры, ныне утраченной. Художник изобразил для короля Франциска I и по его указаниям жизнь святой Марии Египетской, и среди наиболее интересных событий простодушный живописец, великий друг правды если не анатомической, то, по крайней мере, — исторической, в самом видном месте часовни поместил тот щекотливый эпизод, когда святая Мария, за отсутствием у нее денег для расчета с лодочником, предлагает ему себя вместо оплаты за перевоз.

Справедливости ради мы вынуждены сказать, что, несмотря на глубочайшее уважение прихожан к обращенной Марии Египетской, многие почтенные женщины округи считали, что художник мог бы поместить этот эпизод где-нибудь в другом месте или хотя бы передать его не так бесхитростно; при этом они ссылались на то или, вернее сказать, красноречиво умалчивали о том, что некоторые подробности фрески слишком часто привлекают взоры юных приказчиков, которых их хозяева, суконщики, приводят в церковь по воскресеньям и на праздники.

Бюсси поглядел на Одуэна, тот, на мгновение превратившись в юного приказчика, с превеликим вниманием разглядывал эту фреску.

— Ты что, собирался пробудить во мне анакреонистические мысли твоей часовней Святой Марии Египетской? — спросил Бюсси. — Если это так, то ты ошибся. Надо было привести сюда монахов или школьников.

— Боже упаси, — сказал Одуэн. — *Omnis cogitatio libidinosa cerebrum inficit*¹.

— А зачем же тогда?..

— Проклятье! Не глаза же выкалывать себе, прежде чем войти сюда.

— Послушай, ведь ты привел меня не для того, чтобы показать мне колени святой Марии Египетской, а с какой-то другой целью, правда?

— Только для этого, черт возьми! — сказал Реми.

— Ну что ж, тогда пойдем, я на них уже посмотрелся.

— Терпение! Служба кончается. Если мы выйдем сейчас, мы обеспокоим молящихся.

И Одуэн легонько придержал Бюсси за локоть.

— Ну вот, все и выходят, — сказал Реми. — Поступим и мы так же, коль вы не возражаете.

Бюсси с заметно безразличным и рассеянным видом направился к двери.

— Да вы этак и святой воды забудете взять. Где ваша голова, черт возьми? — сказал Одуэн.

Бюсси послушно, как ребенок, пошел к колонне, в которую была вделана чаша с освященной водой.

Одуэн воспользовался этим, чтобы сделать условный знак какой-то женщине, и она при виде жеста молодого лекаря, в свою очередь, направилась к той же самой колонне.

Поэтому в тот момент, когда граф поднес руку к чаше в виде раковины, поддерживаемой двумя египтянами из черного мрамора, другая рука, несколько толстоватая и красноватая, но тем не менее несомненно принадлежавшая женщине, протянулась к его пальцам и смочила их очистительной влагой.

Бюсси не смог удержаться от того, чтобы не перевести свой взгляд с толстой, красной руки на лицо женщины; в то же мгновение он внезапно отступил на шаг и побледнел — во владелице этой руки он признал Гертруду, полускрытую черным шерстяным покрывалом.

Он застыл с вытянутой рукой, забыв перекреститься, а Гертруда, поклонившись ему, прошла дальше, и ее высокий силуэт обрисовался в протике маленькой церкви.

---

¹ Всякая сладострастная мысль вредит уму (*лат.*).

В двух шагах позади Гертруды, чьи мощные локти раздвигали толпу, шла женщина, тщательно укутанная в шелковую накидку; изящные и юные очертания ее хрупкой фигуры, прелестные ножки тут же заставили Бюсси подумать, что во всем мире нет другой такой фигуры, других таких ножек, другого такого облика.

Реми не пришлось ничего ему говорить, молодой лекарь только посмотрел на графа. Теперь Бюсси понимал, почему Одуэн привел его на улицу Святой Марии Египетской и заставил войти в эту церковь.

Бюсси последовал за женщиной, Одуэн последовал за Бюсси.

Эта процессия из четырех людей, идущих друг за другом ровным шагом, могла бы показаться забавной, если бы бледность и грустный вид двоих из них не выдавали жестоких страданий.

Гертруда, продолжавшая идти впереди, свернула за угол, на улицу Монмартр, прошла по ней несколько шагов и потом вдруг нырнула направо — в тупик, куда выходила какая-то калитка.

Бюсси заколебался.

— Вы что же, господин граф, — сказал Реми, — хотите, чтобы я наступил вам на пятки?

Бюсси двинулся вперед.

Гертруда, все еще возглавлявшая шествие, достала из кармана ключ, открыла калитку и пропустила вперед свою госпожу, которая так и не повернула головы.

Одуэн, шепнув пару слов горничной, посторонился и дал дорогу Бюсси, затем вошел сам вместе с Гертрудой. Калитка затворилась, и переулок опустел.

Было семь с половиной часов вечера. Уже начался май, и в потеплевшем воздухе чувствовалось первое дуновение весны. Из своих лопнувших темниц появлялись на свет молодые листья.

Бюсси огляделся: он стоял посреди маленького, в пятьдесят квадратных футов, садика, обнесенного очень высокой стеной. По ней вились плющ и дикий виноград. Они выбрасывали новые побеги, отчего со стены время от времени осыпалась маленькими кусочками штукатурка, и насыщали ветер тем терпким и сильным ароматом, который вечерняя прохлада извлекает из их листьев.

Длинные левкой, радостно вырываясь из расщелин старой церковной стены, раскрывали свои бутоны, красные, как чистая, без примеси, медь.

И наконец, первая сирень, распутившаяся поутру на солнце, туманила своими нежными испарениями все еще смятенный рассудок молодого графа, спрашивавшего себя, не обязан ли он, — всего лишь час тому назад такой слабый, одинокий, покинутый, — не обязан ли он всеми этими ароматами, теплом, жизнью, одному лишь присутствию столь нежно любимой женщины?

Под аркой из ветвей жасмина и ломоноса, на небольшой деревянной скамье у церковной стены сидела, склонив голову, Диана. Руки ее были бессильно опущены, и пальцы одной из них теребили левкой. Молодая женщина бессознательно обрывала с него цветы и разбрасывала по песку.

В эту самую минуту на соседнем каштане завел свою длинную и грустную песню соловей, то и дело украшая ее руладами, взрывающимися, словно ракеты.

Бюсси оказался наедине с госпожой де Монсоро, так как Гертруда и Реми держались в отдалении. Он подошел к ней; Диана подняла голову.

— Господин граф, — сказала она робким голосом, — всякие хитрости были бы недостойны нас: наша встреча в церкви Святой Марии Египетской не случайность.

— Нет, сударыня, — ответил Бюсси, — это Одуэн привел меня туда, не сказав, с какой целью, и, клянусь вам, я не знал...

— Вы меня не поняли, сударь, — сказала Диана грустно. — Да, я знаю, что это господин Реми привел вас в церковь; и, возможно, даже силой?

— Вовсе не силой, сударыня, — возразил Бюсси. — Я не знал, кого там увижу.

— Вот безжалостный ответ, господин граф, — прошептала Диана, покачав головой и поднимая на Бюсси влажные глаза. — Не хотите ли вы сказать этим, что если бы вам был известен секрет Реми, вы не последовали бы за ним?

— О! Сударыня!

— Что ж, это естественно, это справедливо, сударь. Вы оказали мне неоценимую услугу, а я вас до сих пор не поблагодарила за ваш рыцарский поступок. Простите меня и примите мою глубочайшую признательность.

— Сударыня...

Бюсси остановился. Он был настолько ошеломлен, что не находил ни мыслей, ни слов.

— Но я хотела доказать вам, — продолжала, воодушевляясь, Диана, — что я не отношусь к числу неблагодарных женщин с забывчивым сердцем. Это я попросила господина Реми доставить мне честь свидания с вами, я указала место встречи. Простите, если я вызвала ваше неудовольствие.

Бюсси прижал руку к сердцу.

— О! Сударыня! Как вы можете так думать?!

Мысли в голове этого несчастного с разбитым сердцем стали понемногу проясняться, ему казалось, что легкий вечерний ветерок, доносящий до него столь сладостные ароматы и столь нежные слова, в то же время рассеивает облако, застилавшее ему зрение.

— Я знаю, — продолжала Диана, которая находилась в более выгодном положении, ибо давно уже готовилась к этой встрече, — я понимаю, как тяжело было вам выполнять мое поручение. Мне хорошо известна ваша деликатность. Я знаю вас и ценю, поверьте мне. Так судите же сами, сколько я должна была выстрадать при мысли, что вы станете неверно думать о чувствах, таящихся в моем сердце.

— Сударыня, — сказал Бюсси, — вот уже три дня, как я болею.

— Да, я знаю, — ответила Диана, заливаясь краской, выдавшей, как близко к сердцу приняла она эту болезнь, — и я страдала не меньше вашего, потому что господин Реми, — конечно, он меня обманывал, — господин Реми уверял...

— Что причина моих страданий ваша забывчивость? О! Это правда.

— Значит, я должна была поступить так, как поступила, граф, — продолжала Диана. — Я вас вижу, я вас благодарю за

ваши любезные заботы обо мне и клянусь вам в вечной признательности... поверьте, что я говорю это от всей души.

Бюсси печально покачал головой и ничего не ответил.

— Вы сомневаетесь в моих словах? — спросила госпожа де Монсоро.

— Сударыня, — сказал Бюсси, — каждый, питающий расположение к кому-либо, выражает это расположение как умеет: в день вашего представления ко двору вы знали, что я нахожусь во дворце, стою перед вами, вы не могли не чувствовать моего взгляда, который я не отводил от вас, и вы даже глаз на меня не подняли, не дали мне понять ни словом, ни жестом, ни знаком, что вы меня заметили... Впрочем, я, должно быть, не прав, сударыня, возможно, вы меня не узнали, ведь мы виделись всего дважды.

Диана ответила на это взглядом, исполненным грустного упрека, который поразил Бюсси в самое сердце.

— Простите, сударыня, простите меня, — воскликнул он, — вы так непохожи на всех остальных женщин и между тем поступаете как самые обычные из них. Этот брак?

— Разве вы не знаете, как меня к нему принудили?

— Знаю, но вы с легкостью могли его разорвать.

— Напротив, это было совершенно невозможно.

— Но разве ничто не подсказывало вам, что рядом с вами находится преданный вам человек?

Диана опустила глаза.

— Именно это и пугало меня больше всего, — сказала она.

— Вот из каких соображений вы пожертвовали мною? О! Подумайте только, во что превратилась моя жизнь с тех пор, как вы принадлежите другому.

— Сударь, — с достоинством ответила графиня, — женщина не может, не запятнав при этом свою честь, сменить фамилию, пока живы двое мужчин, носящие: один — ту фамилию, которую она оставила, другой — ту, что она приняла.

— Как бы то ни было, вы предпочли мне Монсоро и поэтому сохранили его фамилию.

— Вот как вы думаете, — прошептала Диана. — Тем лучше. И глаза ее наполнились слезами.

Бюсси, заметив, что она опустила голову, в волнении шагнул к ней.

— Ну что ж, — сказал он, — вот я и стал опять тем, кем был, сударыня: чужим для вас человеком.

— Увы! — вздохнула Диана.

— Ваше молчание говорит об этом лучше слов.

— Я могу говорить только моим молчанием.

— Ваше молчание, сударыня, это продолжение приема, оказанного мне вами в Лувре. В Лувре вы меня не замечали, здесь вы не желаете со мной разговаривать.

— В Лувре рядом со мною был господин де Монсоро. Он смотрел на меня. Он ревнует.

— Ревнует! Вот как! Чего же ему еще надо, бог мой?! Кому он еще может завидовать, когда все завидуют его счастью?

— А я говорю вам, сударь, что он ревнует. Он заметил, что уже несколько дней кто-то бродит возле нового дома, в который мы переселились.

— Значит, вы покинули домик на улице Сент-Антуан?

— Как, — непроизвольно воскликнула Диана, — это были не вы?!

— Сударыня, после того, как ваше бракосочетание было оглашено, после того, как вы были представлены ко двору, после того вечера в Лувре, наконец, когда вы не удостоили меня взглядом, я нахожусь в постели, меня пожирает лихорадка, я умираю. Теперь вы видите, что ваш супруг не имеет оснований ревновать, во всяком случае, ко мне, потому что меня он никак не мог видеть возле вашего дома.

— Что ж, господин граф, если у вас, по вашим словам, было некоторое желание повидать меня, благодарите этого неизвестного мужчину, потому что, зная господина Монсоро, как я его знаю, я испугалась за вас и решила встретиться с вами и предупредить: «Не подвергайте себя опасности, граф, не делайте меня еще более несчастной».

— Успокойтесь, сударыня, повторяю вам, то был не я.

— Позвольте мне высказать вам до конца все, что я хотела. Опасаясь этого человека, которого мы с вами не знаем, но которого, возможно, знает господин де Монсоро, опасаясь этого человека, он требует, чтобы я покинула Париж, и, таким образом, господин граф, — заключила Диана, протягивая Бюсси руку, — сегодняшняя наша встреча, вероятно, будет последней... Завтра я уезжаю в Меридор.

— Вы уезжаете, сударыня? — вскричал Бюсси.

— Это единственный способ успокоить господина де Монсоро, — сказала Диана, — и единственный способ вновь обрести свое спокойствие. Да и к тому же, что касается меня, я ненавижу Париж, ненавижу свет, двор, Лувр. Я счастлива уединиться с воспоминаниями моей юности. Мне кажется, что, если я вернусь на тропинку моих девичьих лет, на меня, как легкая роса, падет немного бывшего счастья. Отец едет вместе со мной. Там я встречусь с

госпожой и господином де Сен-Люк, они очень скучают без меня. Прощайте, господин де Бюсси.

Бюсси закрыл лицо руками.

— Значит, — прошептал он, — все для меня кончено.

— Что это вы говорите?! — воскликнула Диана, приподнимаясь на скамье.

— Я говорю, сударыня, что человек, который отправляет вас в изгнание, человек, который лишает меня единственной оставшейся мне надежды — дышать одним с вами воздухом, видеть вашу тень за занавеской, касаться мимоходом вашего платья и, наконец, боготворить живое существо, а не тень, я говорю... я говорю, что этот человек — мой смертельный враг и что я уничтожу его своими собственными руками, даже если мне суждено при этом погибнуть самому.

— О! Господин граф!

— Презренный! — вскричал Бюсси. — Как! Ему недостаточно того, что вы его жена, вы, самое прекрасное и целомудренное из всех Божьих творений, он еще ревнует! Ревнует! Нелепое, ненасытное чудовище! Он готов поглотить весь мир.

— О! Успокойтесь, граф, успокойтесь, бог мой! Быть может, он не так уж и виноват.

— Не так уж и виноват! И это вы его защищаете, сударыня?

— О! Если бы вы знали! — сказала Диана, пряча лицо в ладонях, словно боясь, что Бюсси, несмотря на темноту, увидит на нем краску смущения.

— Если бы я знал? — переспросил Бюсси. — Ах, сударыня, я знаю одно: мужу, у которого такая жена, не должно быть дела ни до чего на свете.

— Но, — сказала Диана глухим, прерывающимся и страстным голосом, — но что, если вы ошибаетесь, господин граф, что, если он не муж мне?

И при этих словах молодая женщина коснулась своей холодной рукой пылающих рук Бюсси, вскочила и убежала прочь. Легко, как тень, промелькнула она по темным тропинкам садика, схватила под руку Гертруду и, увлекая ее за собой, исчезла, прежде чем Бюсси, опьяненный, обезумевший, сияющий, успел протянуть руки, чтобы удержать ее.

Он вскрикнул и зашатался.

Реми подоспел как раз вовремя, чтобы подхватить его и усадить на скамью, которую только что покинула Диана.

Глава IV

О ТОМ, КАК Д'ЭПЕРНОНУ РАЗОРВАЛИ КАМЗОЛ, И О ТОМ, КАК ШОМБЕРГА ПОКРАСИЛИ В СИНИЙ ЦВЕТ

В то время как мэтр Ла Юрьер собирал подпись за подписью, в то время как Шико сдавал Горанфлю на хранение в «Рог изобилия», в то время как Бюсси возвращался к жизни в благословенном маленьком саду, полном ароматов, песен и любви, Генрих, омраченный всем, что он увидел в городе, раздраженный проповедями, которые он выслушал в церквах, приведенный в ярость загадочными приветствиями, которыми встречали его брата, герцога Анжуйского, попавшегося ему на глаза на улице Сент-Оноре в сопровождении герцога де Гиза, герцога Майеннского и целой свиты дворян, возглавленной, по всей видимости, господином де Монсоро, Генрих, говорим мы, возвратился в Лувр в обществе Можирона и Келюса.

Король отправился в город, как обычно, со своими четырьмя друзьями, но едва они отошли от Лувра, Шомберг и д'Эпернон, соскучившись созерцанием озабоченного Генриха и рассудив, что уличная суматоха дает полный простор для поисков наслаждений и приключений, воспользовались первой же толчеей на углу улицы Астриос, чтобы исчезнуть; пока король с другими двумя миньонами продолжал свою прогулку по набережной, они влились в толпу, заполнившую улицу Орлеан.

Не успели молодые люди сделать и сотни шагов, как уже каждый из них нашел себе занятие: д'Эпернон подставил под ноги бежавшего горожанина свой сарбакан и тот вверх тормашками полетел на землю, а Шомберг сорвал чепчик с женщины, которую он поначалу принял за безобразную старуху, но, к счастью, она оказалась молодой и прехорошенькой.

Однако двое друзей выбрали неудачный день для нападений на добрых парижан, обычно весьма покладистых: улицы были охвачены той лихорадкой возмущения, которая время от времени так внезапно вспыхивает в стенах столиц. Сбитый с ног буржуа поднялся и закричал: «Бей нечестивцев!» Это был один из «ревнителей веры», его послушались и бросились на д'Эпернона. Женщина, с которой сорвали чепчик, крикнула: «Бей миньонов!», что было значительно хуже, а ее муж, красильщик, спустил на Шомберга своих подмастерьев.

Шомберг был храбр. Он остановился, положил руку на эфес шпаги и повысил голос.

Д'Эпернон был осторожен — он убежал.

Генрих не беспокоился о двух отставших от него миньонах, он прекрасно знал, что оба они выпутаются из любой истории: один — с помощью своих ног, другой — с помощью своей крепкой руки; поэтому король продолжал свою прогулку и, завершив ее, возвратился, как мы видели, в Лувр.

Там он прошел в оружейную палату и уселся в большое кресло. Весь дрожа от возбуждения, Генрих искал только предлога, чтобы дать волю своему гневу.

Можирон играл с Нарциссом, огромной борзой короля.

Келюс сидел, скорчившись, на подушке, подпирая кулаками щеки, и смотрел на Генриха.

— Они действуют, они действуют, — говорил ему король. — Их заговор ширится. Они — то как тигры, то как змеи: то бросаются на тебя, то подползают к тебе.

— Э, государь, — сказал Келюс, — разве может быть королевство без заговоров? Чем же — кровь Христова! — будут,

по-вашему, заниматься сыновья короля, братья короля, кузены короля, если они перестанут устраивать заговоры?

— Нет, Келюс, в самом деле, когда я слышу ваши бессмысленные изречения и вижу ваши толстые, надутые щеки, мне начинает казаться, что вы разбираетесь в политике не больше, чем Жиль с ярмарки Сен-Лоран.

Келюс повернулся вместе с подушкой и непочтительно обратил к королю свою спину.

— Скажи, Можирон, — продолжал Генрих, — прав я или нет, черт побери, и надо ли меня убаюкивать глупыми остротами и затасканными истинами, словно я такой король, как все короли, или торговец шерстью, который боится потерять своего любимого кота?

— Ах, ваше величество, — сказал Можирон, всегда и во всем придерживавшийся одного с Келюсом мнения, — коли вы не такой король, как остальные, докажите это делом, поступайте как великий король. Какого дьявола! Вот перед вами Нарцисс, это хорошая собака, прекрасный зверь, но попробуйте дернуть его за уши — он зарычит, наступите ему на лапы — он укусит.

— Великолепно, — сказал Генрих, — а этот приравнивает меня к моей собаке.

— Ничего подобного, государь, — ответил Можирон, — и даже совсем напротив. Как вы могли заметить, я ставлю Нарцисса намного выше вас, потому что Нарцисс умеет защитить себя, а ваше величество нет.

И он, в свою очередь, повернулся к королю спиной.

— Ну вот я и остался один, — сказал король, — превосходно, продолжайте, мои дорогие друзья, ради которых, как меня упрекают, я пускаю по ветру свое королевство. Покидайте меня, оскорбляйте меня, убивайте меня все разом. Клянусь честью! Меня окружают одни палачи. Ах, Шико, мой бедный Шико, где ты?

— Прекрасно, — сказал Келюс, — только этого нам не хватало. Теперь он взывает к Шико.

— Вполне понятно, — ответил ему Можирон.

И наглец процедил сквозь зубы некую латинскую поговорку, которая переводится на французский следующей аксиомой: «Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу, кто ты».

Генрих нахмурил брови, в его больших глазах сверкнула молния страшного гнева, и на сей раз взгляд, брошенный им на зарвавшихся друзей, был поистине королевским взглядом.

Но приступ гнева, по-видимому, обессилил короля, Генрих снова откинулся в кресле и стал теребить за уши одного из щенков, которые сидели у него в корзинке.

Тут в передней раздались быстрые шаги и появился д'Эпернон, без шляпы, без плаща, в разодранном в клочья камзоле.

Келюс и Можирон обернулись к вновь пришедшему, а Нарцисс с лаем кинулся на него, словно он узнавал любимцев короля только по их платью.

— Господи Иисусе! — воскликнул Генрих. — Что с тобой?

— Государь, — сказал д'Эпернон, — поглядите на меня; вот как обходятся с друзьями вашего величества.

— Да кто же с тобой так обошелся? — спросил король.

— Ваш народ, клянусь смертью Христовой! Вернее говоря, народ герцога Анжуйского. Этот народ кричал: «Да здравствует лига! Да здравствует месса! Да здравствует Гиз! Да здравствует Франсуа!» В общем — да здравствуют все, кроме короля.

— А что ты ему сделал, этому народу, почему он с тобой так обошелся?

— Я? Ровным счетом ничего. Что может сделать народу один человек? Народ признал во мне друга вашего величества, и этого ему было достаточно.

— Но Шомберг?

— Что Шомберг?

— Шомберг не пришел тебе на помощь? Шомберг не защитил тебя?

— Клянусь телом Христовым, у Шомберга и без меня забот хватало.

— Что это значит?

— А то, что я оставил его в руках красильщика, с жены которого он сорвал чепец и который собирался, вместе с пятеркой или семеркой своих подмастерьев, задать ему жару.

— Проклятье! — вскричал король. — Где же ты его оставил, моего бедного Шомберга? — добавил он, поднимаясь. — Я сам отправлюсь ему на помощь. Быть может, кто-нибудь и скажет, — он взглянул в сторону Можирона и Келюса, — что мои друзья покинули меня, но, по крайней мере, никто не скажет, что я покинул своих друзей.

— Благодарю, государь, — произнес голос позади Генриха, — я здесь, *Gott verdamme mich*¹, я справился с ними сам, хотя и не без труда.

— О! Шомберг! Это голос Шомберга! — закричали трое миньонов. — Но где же ты, черт возьми?

— Клянусь богом! Я там, где вы меня видите, — возопил тот же голос.

И тут все заметили, что из темноты кабинета к ним приближается не человек, нет, — тень человека.

— Шомберг! — воскликнул король. — Откуда ты явился, откуда ты вышел и почему ты такого цвета?

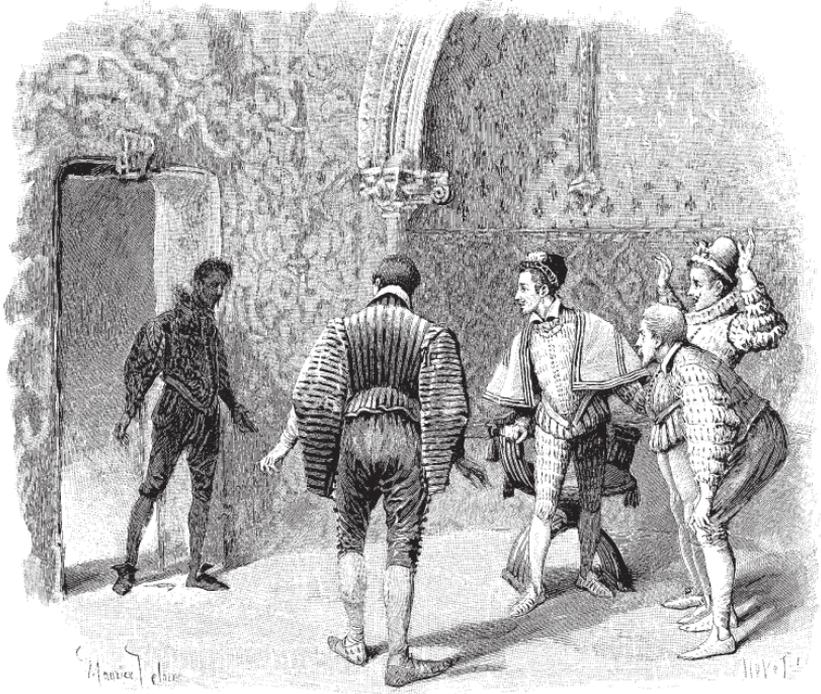
И действительно, весь Шомберг, от головы до пят, не исключая ни одной части его тела и ни одного предмета его костюма, весь Шомберг был самого прекрасного ярко-синего цвета, какой только можно себе представить.

— *Der Teufel!*² — закричал он. — Презренные! Теперь понятно, почему весь этот народ бежал за мной.

— Но в чем же дело? — спросил Генрих. — Если бы еще ты был желтый, это можно было бы объяснить испугом, но синий!

¹ Будь я проклят (нем.).

² Дьявол! (нем.)

— Дело в том, что они окунули меня в чан, прохвосты. Я думал, что они меня окунули всего лишь в чан с водой, а это был чан с индиго!

— Клянусь кровью Христовой! — засмеялся Келюс. — Они сами себя наказали: индиго штука дорогая, а ты впитал краски не меньше чем на двадцать экю.

— Смейся, смейся, хотел бы я видеть тебя на моем месте.

— И ты никого не выпотрошил? — спросил Можирон.

— Знаю одно: мой кинжал остался где-то там — вошел по самую рукоятку в какой-то мешок, набитый мясом. Но все свершилось за одну секунду: меня схватили, подняли, понесли, окунули в чан и чуть не утопили.

— А как ты от них вырвался?

— У меня достало смелости решиться на трусливый поступок, государь.

— Что же ты сделал?

— Крикнул: «Да здравствует лига!»

— Совсем как я, — сказал д'Эпернон, — только меня заставили добавить к этому: «Да здравствует герцог Анжуйский!»

— И я тоже, — сказал Шомберг, кусая себе пальцы от ярости, — я тоже так крикнул. Но это еще не все.

— Как! — воскликнул король. — Они заставили тебя кричать еще что-нибудь, мой бедный Шомберг?

— Нет, они не заставили меня кричать еще, с меня и так, слава богу, было достаточно, но в тот момент, когда я кричал: «Да здравствует герцог Анжуйский!..»

— Ну, ну...

— Угадайте, кто прошел мимо в тот момент?

— Ну разве я могу угадать?

— Бюсси, проклятый Бюсси, и он слышал, как я славил его господина.

— По всей вероятности, он не понял, что происходит, — сказал Келюс.

— Черт возьми, как трудно было сообразить, что происходит! Я сидел в чане, с кинжалом у горла.

— И он не пришел тебе на выручку? — удивился Можирон. — Однако это долг дворянина по отношению к другому дворянину.

— У него был такой вид, словно он думает совсем не о том; ему только крыльев не хватало, чтобы воспарить в небо, — неся, едва касаясь земли.

— Впрочем, — сказал Можирон, — он мог тебя и не узнать.

— Прекрасное оправдание!

— Ты уже был синий?

— А! Ты прав, — сказал Шомберг.

— Тогда его поведение простительно, — заметил Генрих, — потому что, по правде говоря, мой бедный Шомберг, я и сам-то тебя не узнал.

— Все равно, — возразил Шомберг, который недаром происходил из немцев, — мы с ним еще встретимся где-нибудь в другом месте, а не на углу улицы Кокийер, и в такой день, когда я не буду сидеть в чане.

— О! Что касается меня, — сказал д'Эпернон, — то я обижен не на слугу, а на хозяина, и хотел бы встретиться не с Бюсси, а с монсеньором герцогом Анжуйским.

— Да, да, — воскликнул Шомберг. — Монсеньор герцог Анжуйский хочет убить нас смехом, в ожидании пока не сможет убить нас кинжалом.

— Это герцогу Анжуйскому пели хвалы на улицах. Вы сами их слышали, государь, — сказали в один голос Келюс и Можирон.

— Что и говорить, сегодня хозяин Парижа — герцог, а не король. Попробуйте выйти из Лувра и вы увидите, отнесутся ли к вам с большим уважением, чем к нам, — сказал д'Эпернон Генриху.

— Ах, брат мой, брат мой! — пробормотал с угрозой Генрих.

— Э, государь, вы еще не раз скажете то, что сказали сейчас: «Ах, брат мой, брат мой!», но никаких мер против этого брата не примете, — заметил Шомберг. — И, однако, заявляю вам: для меня совершенно ясно, что ваш брат стоит во главе какого-то заговора.

— А, смерть Христова! — воскликнул Генрих. — То же самое я говорил этим господам только что, когда ты вошел, д'Эпернон, но они в ответ пожали плечами и обернулись ко мне спиной.

— Государь, — сказал Можирон, — мы пожали плечами и обернулись к вам спиной не потому, что вы заявили о существовании заговора, а потому, что мы не заметили у вас желаний расправиться с ним.

— А теперь, — подхватил Келюс, — мы поворачиваемся к вам лицом, чтобы снова сказать вам: «Государь, спасите нас или, вернее, спасите себя, ибо стоит погибнуть нам, и для вас тоже наступит конец. Завтра в Лувр явится господин де Гиз, завтра он потребует, чтобы вы назначили главу лиги, завтра вы назовете имя герцога Анжуйского, как вы обещали сделать, и лишь только герцог Анжуйский станет во главе лиги, то есть во главе ста тысяч парижан, распаленных бесчинствами сегодняшней ночи, вы полностью окажетесь у него в руках.

— Так, так, — сказал король, — а в случае, если я приму решение, вы готовы меня поддержать?

— Да, государь, — в один голос ответили молодые люди.

— Но сначала, государь, — заметил д'Эпернон, — позвольте мне надеть другую шляпу, другой камзол и другой плащ.

— Иди в мою гардеробную, д'Эпернон, и мой камердинер даст тебе все необходимое: мы ведь с тобою одного роста.

— А мне, государь, позвольте сначала помыться.

— Иди в мою ванную, Шомберг, и мой банщик позаботится о тебе.

— Ваше величество, — спросил Шомберг, — итак, мы можем надеяться, что оскорбление не останется неотомщенным?

Генрих поднял руку, призывая к молчанию, и, опустив голову на грудь, по-видимому, глубоко задумался. Потом, через несколько мгновений, он сказал:

— Келюс, узнайте, возвратился ли герцог Анжуйский в Лувр.

Келюс вышел. Д'Эпернон и Шомберг остались вместе со всеми ждать его возвращения, настолько их рвение было подогрето надвигающейся опасностью. Самая большая выдержка нужна матросам не во время бури, а во время затишья перед бурей.

— Государь, — спросил Можирон, — значит, ваше величество решились?..

— Увидите, — ответил король.

Появился Келюс.

— Господин герцог еще не возвращался, — сообщил он.

— Хорошо, — ответил король. — Д'Эпернон, ступайте смените ваше платье. Шомберг, ступайте смените ваш цвет. А вы, Келюс, и вы, Можирон, отправляйтесь во двор и сторожите там как следует, пока не вернется мой брат.

— А когда он вернется? — спросил Келюс.

— Когда он вернется, вы прикажете закрыть все ворота. Ступайте!

— Bravo, государь! — воскликнул Келюс.

— Ваше величество, — обещал д'Эпернон, — через десять минут я буду здесь.

— А я, государь, я не знаю, когда я буду здесь, это зависит от качества краски.

— Возвращайтесь поскорее, вот все, что я могу вам сказать.

— Но ваше величество остаетесь одни? — спросил Можирон.

— Нет, Можирон, я остаюсь с Богом, у которого буду просить покровительства нашему делу.

— Просите хорошенько, государь, — сказал Келюс, — я уже начинаю подумывать, не стакнулся ли Господь с дьяволом, чтобы погубить всех нас в этом и в том мире.

— Амен!¹ — сказал Можирон.

¹ Аминь! (лат.)

Те миньоны, которые должны были сторожить во дворе, вышли в одну дверь. Те, которые должны были привести себя в порядок, — в другую.

Оставшийся в одиночестве король преклонил колени на своей молитвенной скамеечке.

Глава V ШИКО ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ ФРАНЦИИ

Пробило полночь. В полночь ворота Лувра обычно закрывались. Но Генрих мудро рассудил, что герцог Анжуйский не преминет провести эту ночь в Лувре, чтобы оставить меньше пищи для подозрений, которые могли возникнуть у короля после событий, происходивших в Париже этим вечером.

И Генрих приказал не запираť ворота до часу ночи.

В четверть первого к королю поднялся Келюс.

— Государь, — сказал он, — герцог возвратился.

— Что делает Можирон?

— Он остался на страже, последить, не выйдет ли герцог снова.

— Это нам не угрожает.

— Значит... — сказал Келюс, жестом показывая королю, что остается только действовать.

— Значит... дадим ему спокойно улечься спать, — сказал Генрих. — Кто с ним?

— Господин де Монсоро и его всегдашние дворяне.

— А господин де Бюсси?

— Господина де Бюсси с ним нет.

— Отлично, — сказал король, для которого было большим облегчением узнать, что его брат лишен своей лучшей шпаги.

— Какова будет воля короля? — спросил Келюс.

— Скажите д'Эпернону и Шомбергу, чтобы они поторопились, и предупредите господина де Монсоро, что я желаю с ним говорить.

Келюс поклонился и выполнил поручение со всей быстротой, которую сообщают действиям человека чувство ненависти и жажда отмщения, объединенные в одном сердце.

Через пять минут вошли д'Эпернон и Шомберг, один — заново одетый, другой — добела отмытый, только в складках кожи на его лице сохранился еще голубоватый оттенок; по мнению банщика, исчезнуть совсем он мог лишь после нескольких паровых ванн.

Вслед за двумя миньонами появился господин де Монсоро.

— Господин капитан гвардии вашего величества уведомил меня, что ваше величество оказали мне честь призвать меня к себе, — сказал главный ловчий, кланяясь.

— Да, сударь, — ответил Генрих, — да. Прогуливаясь нынче вечером, я увидел сверкающие звезды и великолепную луну и невольно подумал, что при столь замечательной погоде мы могли бы завтра отменно поохотиться. Сейчас всего лишь полночь, господин граф, отправляйтесь тотчас же в Венсен и распорядитесь выставить для меня лань, а завтра мы ее затравим.

— Но, государь, — сказал Монсоро, — я полагал, что завтра ваше величество удостоите аудиенции монсеньора Анжуйского и господина де Гиза, чтобы назначить главу лиги.

— Ну и что из того, сударь? — сказал король тем высокомерным тоном, который делал ответ затруднительным.

— Вам... вам может нехватить времени.

— Тот, кто умеет правильно употребить время, никогда не ощущает в нем недостатка; именно поэтому я и говорю вам: у вас есть время выехать сегодня ночью, при условии, что вы выедете тотчас же. У вас есть время выставить этой ночью лань, и у вас будет время подготовить команды к завтраму, к десяти утра. Итак, отправляйтесь, и немедленно! Келюс, Шомберг, прикажите отворить господину де Монсоро ворота Лувра — от моего имени, от имени короля; и от имени короля же прикажите запереть их, когда он уедет.

В полном удивлении главный ловчий вышел из комнаты.

— Что это, прихоть короля? — спросил он в передней у миньонов.

— Да, — лаконически ответили они.

Господин де Монсоро понял, что здесь ему ничего не добиться, и умолк.

«Ну и ну! — сказал он себе, бросив взгляд в сторону покоев герцога Анжуйского. — Мне кажется, это не сулит ничего доброго его королевскому высочеству».

Но у главного ловчего не было никакой возможности предостеречь принца. Справа от него шел Келюс, слева — Шомберг. На мгновение у Монсоро мелькнула мысль, что миньоны получили тайный приказ арестовать его, и лишь очутившись за пределами Лувра и услышав, как за ним закрылись ворота, он понял неосновательность своих подозрений.

Через десять минут Шомберг и Келюс возвратились к королю.

— А теперь, — сказал Генрих, — ни звука, и отправляйтесь все четверо за мной.

— Куда мы идем, государь? — спросил как всегда осторожный д'Эпернон.

— Тот, кто дойдет, увидит, — ответил король.

— Пошли, — сказали в один голос четверо молодых людей.

Миньоны вооружились шпагами, пристегнули свои плащи и последовали за королем, а он, держа в руке фонарь, повел их известным нам потайным коридором, по которому ходили, как мы с вами не раз видели, королева-мать и король Карл IX, направляясь к их дочери и сестре, к милой Марго, чьи покои, мы об этом также уже говорили, занимал теперь герцог Анжуйский.

В коридоре дежурил один из камердинеров герцога, но, прежде чем он успел отступить к двери, чтобы предупредить своего господина, Генрих схватил его и, приказав молчать, передал своим спутникам, те затолкали нерасторопного слугу в одну из комнат и там заперли.

Таким образом, ручку на дверях опочивальни монсеньора герцога Анжуйского повернул сам король.

Герцог только что лег в постель, весь во власти честолюбивых мечтаний, пробужденных в нем событиями этого вечера. Он видел, как перевозили его имя, предав забвению имя короля. Он видел, как парижане расступались перед ним, шествовавшим в сопровождении герцога де Гиза, перед ним и его дворянами, а дворян короля встречали улюлюканьем, насмешками, оскорблениями. Ни разу еще с начала его длинного жизненного пути, густо отмеченного тайными происками, трусливыми заговорами и скрытыми подкопами, не выпадала ему на долю такая популярность и, как ее следствие, такие надежды.

Он положил на стол переданное ему господином де Монсоро письмо герцога де Гиза, где ему советовали обязательно присутствовать завтра при утреннем туалете короля.

Герцог Анжуйский не нуждался в подобных советах, уж он-то не собирался пропускать час своего великого торжества.

Но каково же было изумление Франсуа, когда он увидел, что дверь потайного коридора распахнулась, и в какой ужас он пришел, обнаружив, что ее открыла рука короля!

Генрих сделал своим спутникам знак остаться на пороге и, серьезный, нахмуренный, подошел к кровати брата, не произнося ни слова.

— Государь, — залепетал герцог, — честь, которой вы удостоиваете меня, так неожиданна...

— Что она вас пугает, не правда ли? — сказал король. — Я это понимаю. Нет, нет, брат мой, не вставайте, останьтесь в постели.

— Но, государь; все же... позвольте мне, — сказал герцог Анжуйский, весь дрожа и придвигая к себе письмо герцога де Гиза, которое он только что кончил читать.

— Вы читали? — спросил король.

— Да, ваше величество.

— Очевидно, то, что вы читали, очень увлекательно, раз вы все еще не спите в столь поздний час.

— О, государь, — ответил герцог с вымученной улыбкой, — ничего, заслуживающего внимания: вечерняя корреспонденция.

— Разумеется, — сказал Генрих, — понятно: вечерняя корреспонденция — корреспонденция Венеры; впрочем, нет, я ошибся, письма, которые посылают с Ирис или с Меркурием, не запечатывают такой большой печатью.

Герцог спрятал письмо.

— А он скромник, наш милый Франсуа, — сказал король со смехом, который слишком напоминал зубовой скрежет, чтобы не испугать его брата.

Однако герцог сделал над собою усилие и попытался принять более уверенный вид.

— Ваше величество желает сказать мне что-нибудь наедине? — спросил герцог. Он заметил, как четверо дворян у дверей зашевелились, и понял, что они слушают и наслаждаются начинающейся сценой.

— Все, что я имею сказать вам наедине, — ответил король, делая ударение на последнем слове, ибо разговор с королем с глаз на глаз был привилегией, предоставленной братьям короля церемониалом французского двора, — все это вам, сударь, придется сегодня соблаговолить выслушать от меня при свидетелях. Господа, слушайте хорошенько, король вам это разрешает.

Герцог поднял голову.

— Государь, — сказал он с тем ненавидящим и полным яда взглядом, который человек заимствовал у змеи, — прежде чем оскорблять человека моего положения, вы должны были бы отказать мне в гостеприимстве в Лувре; в моем дворце я, по крайней мере, мог бы вам ответить подобающим образом.

— Поистине, — сказал Генрих с мрачной иронией, — вы забываете, что всюду, где бы вы ни находились, вы остаетесь моим подданным и что мои подданные всегда находятся у меня, где бы они ни были, потому что, слава богу, я король!.. Король этой земли!..

— Государь, — воскликнул Франсуа, — в Лувре я — у моей матери.

— А ваша мать — у меня, — ответил Генрих. — Однако ближе к делу, сударь: дайте мне это письмо.

— Какое?

— То, что вы читали, черт возьми, то, что лежало раскрытым на вашем ночном столике, то, что вы спрятали, увидев меня.

— Государь, подумайте! — сказал герцог.

— О чем? — спросил король.

— О том, что ваше поведение недостойно дворянина, такое требование может предъявлять лишь полицейский.

Король побледнел как мертвец.

— Письмо, сударь! — повторил он.

— Письмо женщины, государь, подумайте! — сказал Франсуа.

— Есть женские письма, которые обязательно следует читать и очень опасно оставлять непрочитанными, пример: письма нашей матушки.

— Брат! — сказал Франсуа.

— Письмо, сударь, — вскричал король, топнув ногой, — или я вызову четверку швейцарцев, и они вырвут его у вас.

Герцог соскочил с кровати, зажав скомканное письмо в руках, с явным намерением добежать до камина и бросить бумагу в огонь.

— И вы поступите так с вашим братом?

Генрих отгадал его намерение и преградил ему путь к камину.

— Не с моим братом, — сказал он, — а с моим смертельным врагом! Не с моим братом, а с герцогом Анжуйским, который весь вечер разъезжал по Парижу за хвостом коня господина де Гиза! С братом, который пытается скрыть от меня письмо от одного из своих сообщников — господ лотарингских принцев.

— На этот раз, — сказал герцог, — ваша полиция поработала плохо.

— Говорю вам, что я видел на печати трех знаменитых дроздов Лотарингии, которые намереваются проглотить лилии Франции. Дайте письмо, дайте мне его, или, клянусь смертью Христовой...

Генрих сделал шаг к герцогу и опустил ему на плечо руку.

Как только Франсуа ощутил тяжесть королевской руки, как только, скосив глаза, увидел угрожающие позы четырех миньонов, уже готовых обнажить шпаги, он упал на колени и, привалившись к своей кровати, закричал:

— Ко мне! На помощь! Мой брат хочет убить меня!

Эти слова, исполненные глубокого ужаса, который делал их убедительными, произвели впечатление на короля и умерили его гнев как раз потому, что они преувеличивали глубину этого гнева. Король подумал, что Франсуа и впрямь мог испугаться убийства и что такое убийство было бы братоубийством. У него на мгновение закружилась голова при мысли о том, что в его семье, семье, над

которой, как над всеми семьями угасающих родов, тяготеет проклятие, братья, по традиции, убивают братьев.

— Нет, — сказал он, — вы ошибаетесь, брат, король не угрожает вам тем, чего вы страшитесь. Вы попытались бороться, а теперь признайте себя побежденным. Вы знаете, что господин здесь — король, а если и не знали, то теперь поняли. Что ж, скажите об этом, и не шепотом, а во весь голос.

— О! Я говорю это, брат мой, я объявляю об этом, — вскричал герцог.

— Замечательно. Тогда дайте мне письмо... потому что король приказывает вам дать ему письмо.

Герцог Анжуйский уронил бумагу на пол.

Король подобрал ее, сложил не читая, и сунул в свой кошель для раздачи милостыни.

— Это все, государь? — спросил герцог, обратив к королю свой косящий взгляд.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ

Морис Лелуар (Maurice Leloir) — известный французский живописец, акварелист, гравер, иллюстратор, драматург, сценарист, эксперт в области истории моды, художник театра и кино. Родился в Париже 1 ноября 1851 года, умер 7 октября 1940 года.

Лелуар появился на свет в семье художников: его отец — Жан-Батист Огюст Лелуар (1809—1892) был историческим живописцем, а мать — Элоиза Лелуар (1820—1874) — талантливым акварелистом. Профессиональное образование

Лелуар получил в семье.

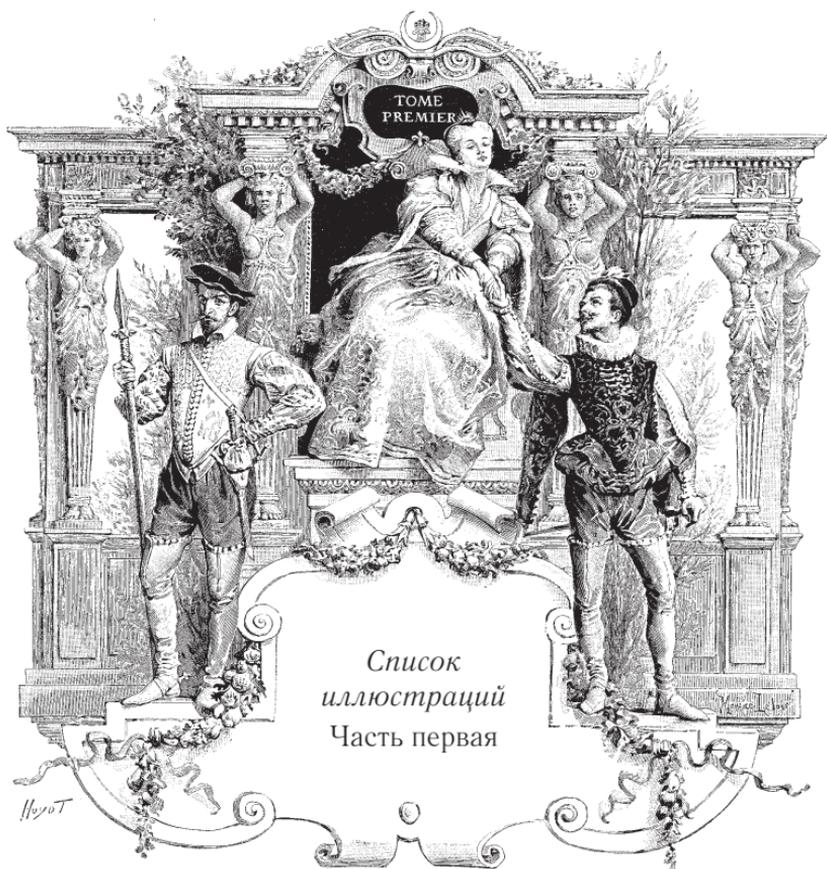
Морис Лелуар оказался талантливым акварелистом и много лет возглавлял французское Общество акварелистов. Успехом пользовались также его полотна на исторические темы, театральные декорации и афиши. В 1906 году он основал Общество истории костюма и стал его президентом. Большой популярностью пользовался написанный Лелуаром и проиллюстрированный им же «Словарь по истории костюма». В 1920 году он подарил музею Карнавале свою знаменитую коллекцию из 2000 костюмов и аксессуаров, которая и составила основу собрания современного музея Гальера (также известен как парижский музей Моды).

Книжные иллюстрации одна из вершин творчества Мориса Лелуара. Он проиллюстрировал произведения Вольтера, Жан-Жака Руссо, Мольера, Оноре де Бальзака, аббата Прево, Ги де Мопассана, Лесажа, Стерна и других писателей. Популярны также работы Лелуара к монографиям об известных исторических лицах: в 1904 году изданы 36 акварелей в книге о Людовике XIV, а в 1910 году — 40 цветных иллюстраций в книге о Ришелье.

К творчеству Александра Дюма Морис Лелуар обращался неоднократно. В 1894 году к 50-летию первого издания книги «Три мушкетера» в парижском издательстве «Calmann Levy» вышло двухтомное юбилейное издание. Для него Морис Лелуар сделал

250 иллюстраций, которые с полным правом можно назвать шедеврами мировой книжной иллюстрации. В этой работе Лелуар с поразительной проницательностью и исторической достоверностью не только создал психологически точные портреты героев, но и сумел крайне скрупулезно изобразить все атрибуты материальной культуры эпохи Людовика XIII. В 1903 году он подготовил для этого же издательства иллюстрации к «Графине де Монсоро». А в 1928 году звезда немое кино Дуглас Фэрбенкс пригласил Лелуара в Голливуд в качестве художественного консультанта на съемки фильма «Человек в железной маске» по третьей части романа Дюма «Виконт де Бражелон».

Несмотря на разностороннюю одаренность и успешность в исполнении всех задуманных проектов, Лелуар останется для нас навсегда, в первую очередь, гениальным создателем образов героев Александра Дюма.

Список
иллюстраций
Часть первая

Виньетка	5
Шико	7
Генрих III, король Франции, и его миньоны.	8
Свадьба Сен-Люка.	9
«Генрих III рассмеялся»	14
«...Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем»	17
«Бюсси издали заметил, что миньоны о чем-то совещаются...»	25
«Жанна вошла в спальню и преклонила колени перед образом особенно чтимого ею святого»	29
«— Монсеньор, — поддержал его д'О, — мы даже и мысли допустить не могли, что встретим ваше высочество в этом глухом квартале, на окраине Парижа»	35
«Бюсси, как всегда готовый к любым неожиданностям, молниеносно соскочил на землю со шпагой в руке»	41
«Бюсси... повернулся кругом и упал навзничь на ступеньки лестницы»	43

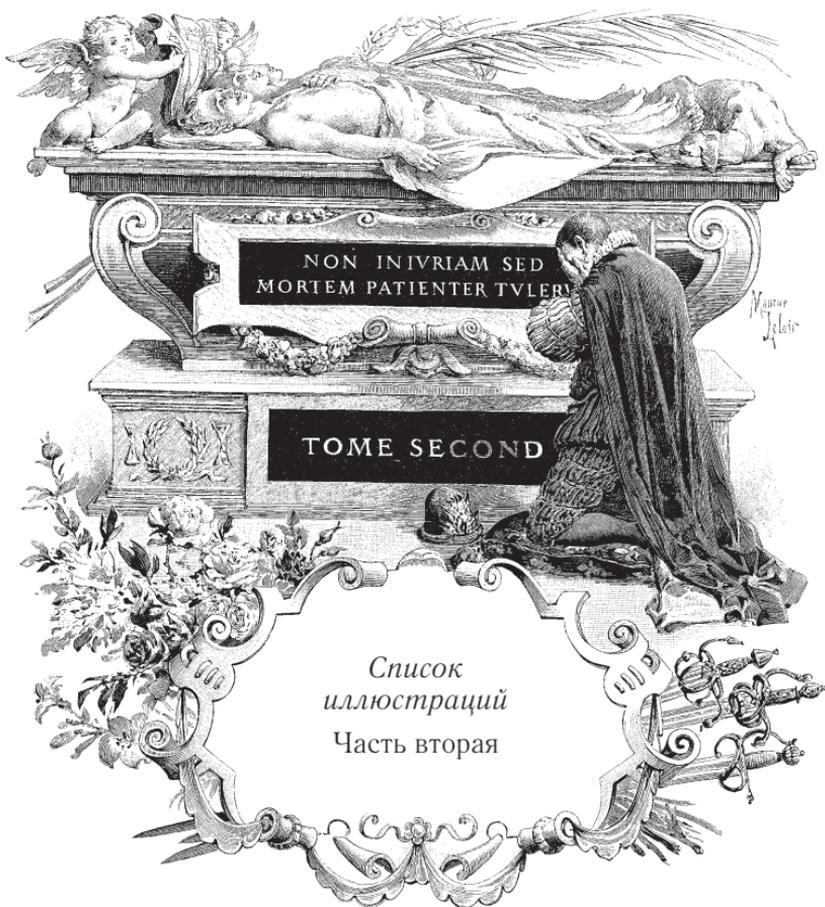
«Когда он очнулся, холодный ветер обдувал ему лицо, слух царя-пали какие-то хриплые и крикливые голоса»	47
«— Черт побери! Расскажите мне все по порядку, сударыня, — сказал Бюсси»	55
«Жанна испугалась. Бюсси по факелам и аркебузам узнал людей герцога Анжуйского»	58
«— Не забывайте, Сен-Люк, что если вас и не слышат, то все же на вас смотрят»	66
«— Государь, — сказал он, отвесив Генриху III глубокий поклон, — позвольте засвидетельствовать вам мое нижайшее почтение».	69
«Сен-Люк поднес руку ко лбу и испустил жалобный вздох»	76
«В маске были прорезаны отверстия для носа, глаз и рта»	79
«Левая рука судорожно вцепилась в рукоятку бессознательно схваченной шпаги»	81
«Гугеноты, лигисты и вольнодумцы, смеясь, глазели, как движется покаянное шествие»	84—85
«— Ну, ладно, шут, раз уж иначе ты не замолчишь, я тебе все расскажу»	95
«И оба сомкнули глаза, король — чтобы притвориться спящим, Шико — чтобы и вправду заснуть»	99
«Выражение этого лица было таким веселым, даже насмешливым, что король удивился»	105
«Вот что король увидел через замочную скважину»	106
«— Это мой рай, вы потеряли его из-за своего непослушания. Отныне я запрещаю вам вход в него»	107
«Так как фонарь возобновил поступательное движение и, по-видимому, направлялся прямо к тому месту, где стоял Бюсси, молодой человек плотно прижался к стене».	112
«Меня толкнули в комнату, где лежали вы, и разрешили снять повязку»	117
«Бюсси повернулся на бок, чтобы молодой хирург мог снять повязку»	122
«Граф восседал на коне посредине поляны, представляя собой мишень для любопытных глаз»	126
«Они отъехали в сторону»	133
«Бюсси и принц присоединились к охотникам»	136—137
«Бюсси покинул свое убежище, перешел улицу, открыл ключом дверь и, уже наученный опытом, запер ее без всякого шума»	141
«— И будьте спокойны, сударыня, — прошептал Бюсси, заключая Диану в свои объятия, — у вас найдется мститель»	145
«Бюсси открыл дверь в гостиную и преклонил колени перед Дианой»	146
«Особенно свылась со мной одна лань, моя любимица, моя фаворитка — Дафна, бедняжка Дафна. Она ела из моих рук»	149
«Когда он оказался возле несчастной лани, я увидела, что он выхватил большой охотничий нож»	151
«Замаскированный всадник, который казался старшим, подъехал к дверцам экипажа»	156
«На столе нас ждал богато сервированный ужин»	159

- «Я перешла из комнаты Гертруды в свою спальню, встала на колени перед камином и в неверном свете пламени прочла...». . . 165
- «Почувствовав прикосновение рук этого человека, я вздрогнула так сильно, что чуть было не упала в воду» 168
- «Господин де Монсоро зажал мне рот рукой» 171
- «К вечеру седьмого дня пути с вершины высокого холма я заметила огромное скопление домов. Это был Париж» 176
- «Кивком головы я пригласила его садиться» 179
- «Он обмакнул пальцы в чашу со святой водой и хотел коснуться ими моей руки» 183
- «— Ах, батюшка, мой батюшка! — воскликнула я» 189
- «Мы слегка приоткрыли окно» 190
- «Мы отнесли вас ко рву у Тампля и положили на откос» 193
- «— Сударыня, — сказал Бюсси, — пройдет две недели, и мы узнаем, кто такой на самом деле господин де Монсоро» 199
- «Карета вмещала короля Генриха III и весь его походный двор, за исключением королевы Луизы де Водемон» . . . . . 202—203
- «В одной из дверей сидел Шико» 205
- «Шико внезапно соскочил на мостовую, растолкал гвардейцев и преклонил колени...» 210
- «Монахи остановились у входа в монастырь Святой Женевиевы и вошли под его портик» 216
- «Услышав шум открывающейся двери, мэтр Бономе поднял голову» . . . 219
- «— Во имя Бахуса, Мома и Кома, троицы великого святого Пантагрюэля, — произнес Горанфло, — нарекаю тебя карпом» . . . 225
- «Горанфло вместо речи запел во всю глотку» 230
- «Гасконец предъявил своего Беарнца с пробитым сердцем и был пропущен без дальнейших околичностей» 234
- «Он встал и с важностью поднялся по ступенькам кафедры, не забыв при этом опустить капюшон как можно ниже» 242
- «Из черного отверстия показался сначала серый монашеский капюшон, а затем и весь монах...» 247
- «Шико... с удивлением узрел голову герцога Анжуйского; герцог был так бледен, что при погребальном свете лампы походил на мраморную статую» 250
- «Кардинал взял обеими руками корону и опустил ее к голове принца, но не возложил на голову» 261
- «Герцог взял пергамент из рук Николая Давида» 267
- «Шико открыл окно, уселся верхом на подоконник и с силой и ловкостью, которые радость или страх всегда придают человеку, втянул лестницу в окно и поставил основанием на землю» . . . 271
- «Госпожа де Сен-Люк, ибо это была она, распахнув теплый плащ, в который была закутана, грациозно склонилась с седла, положила обе руки на плечи молодому супругу и, не сводя с него глаз, выполнила просьбу, одарив его нежным и долгим поцелуем» . . . 274
- «— Эй вы, сударь, сударь! Не убегайте, тысячу чертей, я привез одну вещичку, которую вы потеряли» 281

«Обнимая почтенного старца, госпожа де Сен-Люк почувствовала, что щеки его мокры, барон плакал»	288
«Барон взял со стола серебряный трехсвечный канделябр и тяжелым шагом начал подниматься по парадной лестнице замка, Бюсси д'Амбуаз следовал за ним»	294
«— Ну, довольно, — говорил Бюсси. — Вы рады видеть меня живым, благодарю вас»	299
«— А я, я бросился вслед и догнал ее, это стоило мне большого труда»	303
«Диана, уже собиравшаяся было броситься на шею отцу, также остановилась, изумленная и испуганная»	307
«Бюсси сжал стиснутые в мольбе прекрасные руки, и весь гнев разом слетел с него»	312
«Его рука скользнула в карман штанов Шико и извлекла оттуда пустой кошелек»	317
«Горанфло, передаваемый из рук в руки, шествовал от поцелуя к поцелую, от похвалы к похвале, пока не оказался у входных дверей монастыря»	320
«Он уселся на дорожном откосе... и погрузился в размышления, прерываемые жалобными вздохами»	324
«Он... выбрал самое толстое дерево и спрятался за ним в позе охотника, высматривающего дичь»	327
«Всадник повернул голову к монаху»	329
«В знак благодарности монах весело воздел руки к небу»	333
«Горанфло... вскарабкался на своего осла, у которого вместо седла была простая кожаная подушка с двумя ременными петлями, заменявшими стремена»	336
«Первые минуты скачки были ужасны для Горанфло»	338
«— Вот и все! — сказал он, храбро скатываясь на свои мощные ягоды и обеими руками сжимая поводок»	341
«Шико увидел, как из боковой улицы на площадь вышел Горанфло с двумя седлами на голове и двумя уздечками в руках»	348
«Горанфло, устроившись в седле, одарил капитана своим пастырским благословением»	350
«Гасконец мог вполне отчетливо слышать все, что говорилось в комнате»	353
«При виде этого знака Горанфло обуяли изумление и страх»	357
«Они разговаривали, но так тихо, что Шико не смог разобрать ни слова»	362
«Горанфло... преодолевал одну ступеньку за другой, распевая сиплым голосом»	364
«Проворные и сильные пальцы адвоката впились в горло монаха и прервали фразу Горанфло; вместо слов послышался свист, очень похожий на хрипение»	370
«На пороге комнаты появился Шико, бледный, серьезный, с обнаженной шпагой в руке»	372
«Шико... нанес ему удар туда, куда обещал: его шпага до половины вошла в горло адвоката»	379

«Умирающий яростно приподнялся, но тут же упал на пол и испустил последний вздох»	380
«Там он увидел Горанфло, бубнящего молитвы».	382
«Король преклонил колени, его примеру последовала и королева»	385
«Бюсси с сомнением дрожащей рукой взял записку и прочел...» . .	390
«Шико жадно набросился на подрумяненные ломтики мясного паштета, лежавшие на блюде»	394
«— Мы здесь один на один и можем поговорить откровенно» . . .	396
«Бюсси... помчался куда глаза глядят, бросив поводья и сея вокруг себя смятение и страх»	401
«— Как ты смеешь... негодяй!»	406
«— А вы, — шепнул Монсоро в самое ухо герцога, — вы сохраните трон, на который я вас возвел!»	410
«— Возможно ли это?.. — пробормотал он»	415
«Герцог нахмурился, но по мере приближения к дверям королевского кабинета морщины на его челе разглаживались, и, как мы уже говорили, в зал он вошел с любезной улыбкой на устах»	422
«— Оставайтесь, брат мой, я хочу с вами поговорить»	426
«Генрих, растроганный до слез, протянул своему брату руку»	430
«Братья несколько раз крепко обнялись»	435
«Король пожал плечами, но поскольку шут, как ни говори, был единственным человеческим существом, которому он полностью доверял, снова приник ухом к отверстию».	439
«Парижские улицы представляли собой зрелище более живописное, чем обычно»	447
«— Сюда, сюда, brave католики!»	450
«Осел... кричал с таким усердием и на таких высоких нотах, что заглушил голос своего хозяина»	453

Список
иллюстраций
Часть вторая

«Горанфло»	455
«Диана де Монсоро и Бюсси д'Амбуаз»	456
«Она ни разу не подняла не него своих опущенных глаз...»	457
«— Ну как, моя милочка, сердечко мое, прелесть моя, как мы себя чувствуем?»	460
«Шико остановился возле толпы, окружившей коновязь, и наострил уши»	463
«Тут палка гасконца перешла с ослиного крупа на широкие, мясистые плечи монаха»	466
«И он отправился во дворец его величества Франциска III»	467
«— Это я, Реми, — ответил Одуэн и торжественно, не проявляя ни малейших признаков смущения, вступил в комнату»	475
«Гертруда, все еще возглавлявшая шествие, достала из кармана ключ, открыла калитку и пропустила вперед свою госпожу, оторая так и не повернула головы»	479

«Молодая женщина коснулась своей холодной рукой пылающих рук Бюсси»	484
«Д'Эпернон подставил под ноги бежавшего горожанина свой сарбакан и тот вверх тормашками полетел на землю...»	487
«И тут все заметили, что из темноты кабинета к ним приближается не человек, нет, — тень человека»	490
«Оставшийся в одиночестве король преклонил колени на своей молитвенной скамеечке»	493
«Герцог соскочил с кровати, зажав скомканное письмо в руках, с явным намерением добежать до камина и бросить бумагу в огонь»	499
«— Сударь, — сказал он, усевшись и скрестив свои длинные ноги, — я вижу, что вы не удостоиваете меня приглашением сесть»	507
«— Я имею честь приветствовать вас. Поминайте меня в своих молитвах».	510
«Гасконец... переправился через Сену на Нельском пароме»	514
«Как только Ориль вошел в переднюю, Келюс, забавлявшийся замечательным бильбоке из черного дерева, инкрустированного слоновою костью, весьма любезно приветствовал его» . .	517
«Шико действительно протянул несчастному музыканту лютню». . .	519
«Вокруг Лувра собралась большая толпа народу»	522—523
«Монсоро застыл в подобающей по этикету позе».	528
«— Что ж, подпишите и вы, мой дорогой кузен»	531
«Генрих бросил взгляд на пергамент и, увидев возле подписи легата печать святого Петра, побелел»	535
«Шомберг и д'Эпернон расположились в передней, Можирон и Келюс — в спальне его высочества»	539
«— Яд! Что вы хотите сказать, сударь? — воскликнул Франсуа, побледнев от гнева...»	543
«Иной раз кто-нибудь из миньонов свешивался за перила балкона и успокаивался, измерив взглядом сорок пять футов высоты» . .	547
«— Письмо! — прошептал он, оглядываясь с опаской»	550
«Принц поставил ногу на первую перекладину...»	555
«Затем его донесли до противоположного ската рва и стали подталкивать вверх по дорожке, проложенной среди осыпавшейся земли и камней»	556
«Барон и Сен-Люк охотились с утра до ночи»	560
«Диана и Жанна, сидевшие рядом на мху, в тени деревьев, вздрагивали, но затем снова возвращались к своей нежной и полной тайн беседе»	562
«Из зелени плюща и дикой шелковицы выпрыгнул мужчина и упал к ногам Дианы, та громко вскрикнула»	564
«Молодая женщина схватила руку графа и нежно сжала ее»	570
«Бюсси с улыбкой смотрел на молодых женщин. Диана, еще не успевшая повернуться к нему спиной, протянула ему руку» . .	572
«Она бросилась к нему и положила обе свои руки на его грудь: долгое, страстное объятие заменило им утреннее приветствие». . .	575

«Лошадь тяжело рухнула на бок, судорожно подергала ногой, словно вскапывая землю, и внезапно ее громкое дыхание оборвалось, глаза затуманились, на губах выступила пена, и она испустила дух»	577
« — Эй, господа трубачи! — крикнул он герольдам, которые возвращались в кордегардию»	579
« — Господа и верные мои вассалы, — произнес принц, — я пришел искать убежища в моем добром городе Анжере» . . .	581
«Бюсси вскочил со своего стула»	583
«Тут принц, вопреки своему желанию, засмеялся...»	585
«В герцогский замок... уже стекались дворяне со всех концов провинции»	591
«Всю ночь Бюсси пировал с его королевским высочеством и анжуйскими дворянами и сначала ухаживал за анжуйскими дамами, а потом, когда позвали скрипачей, принялся обучать этих дам новейшим танцам»	594
«Прибыв на место, Реми поднялся на стременах, снова и надежнее, чем было, привязал записку к букету и с громким «эй!» перебросил букет через стену»	602
«Бюсси... устраивал проверку мушкетов у всей стражи, приказывал снаряжать коней, выкатывать пушки, лафеты, словно ему предстояло завоевать пятую часть света»	604
« — О! Что за прекрасная встреча, — приговаривал он, крутясь на своем коне»	608—809
«В улицах образовалась страшная давка...»	611
« — Туда, — произнес тот, вытянув руку в направлении одной из сторон света»	615
«Усилия графа увенчались полным успехом»	621
«Увидев его, герцог издал громкое восклицание, громкое тем более, что оно прозвучало среди общей тишины»	624
«Глаза короля метали молнии, рука судорожно сжимала рукоятку кинжала»	630
« — Вы даже не вскрикнули, матушка? — сказал Генрих»	632
«Шико снова принялся чертить своей тростью на песке»	637
« — О! Матушка, милая моя матушка, — взволнованно воскликнул Генрих, целуя руки Екатерины, — вы всегдашняя моя опора, моя благодетельница, мой добрый гений!»	642
« — Ты знаешь, куда он едет? — спросил Бюсси»	647
« — Госпожа де Сен-Люк?»	650
« — Счастливец? Почему?»	653
«И Сен-Люк, в свою очередь, стал перелезать через стену»	658
«Этим движением он вынудил своего противника сделать полувольт и повернуться лицом прямо к солнцу»	660
«Сен-Люк спокойно вытер шпагу и стоял, наблюдая за сменой оттенков, которая постепенно превращает лицо агонизирующего человека в маску трупа»	661
« — Вот и оказывай после этого услуги своим друзьям, — сказал тот жене»	664

«Весьма уязвленный полученным ответом, посланец вернулся к своей повелительнице...»	666
«Екатерина шла, высоко подняв голову»	668
«Герцог Анжуйский сделал движение, чтобы встать»	671
«Бюсси... был вынужден опуститься в кресло возле окна»	676
«Вопреки ожиданиям, он увидел радостного, улыбающегося Бюсси, который усиленно кивал ему, одобряя предложение королевы-матери»	679
«Лицо покойника, с самого начала поразившее его своей бледностью, побледнело еще больше»	683
«Реми поспешно достал из кармана сумку с инструментами и вынул ланцет; затем он оторвал полосу от рубахи Монсоро и перетянул ему руку в предплечье»	686
«Диана действительно вышла из дома, но тут же вслед за ней появились носилки...»	692
«Первым вошел принц, потом — Диана»	697
«После этого тройного подтверждения король поднялся из-за стола весь красный и дрожащий»	703
«Он привел с собой жену и усадил ее на табурет возле барьера королевского ложа»	704
«— Сударыня, — сказал Шико застывшей в нерешительности Жанне, — хорошая жена не должна покидать мужа... особенно когда ее муж в опасности»	707
«— Вы слишком много ласкаете вашего Панурга, брат мой, — говорит приор, — вас снова может одолеть тяга к странствиям»	713
«— О! О! — воскликнул Горанфло, увидев два неожиданных дара, и от восторга так запрыгал на своем скакуне, что у Панурга подкосились ноги. — О! О!»	715
«Затем он подъехал к Диане с левой стороны и прошептал: «Это он!»»	719
«На несколько мгновений они застыли в нежном объятии»	721
«Бюсси прошел прямо к Генриху, отвесил глубокий поклон и стал ждать вопросов»	729
«Это было очень любопытное зрелище: непринужденный, улыбающийся Бюсси посреди четырех кипящих от ярости миньонов, которые кидали на него недвусмысленные грозные взгляды»	733
«Пятеро дворян вышли из Лувра и взялись под руки, заняв всю ширину улицы»	736
«Лишь только друзья вышли из зала, Сен-Люк остановился и, с беспокойством глядя на Бюсси, спросил...»	738
«Сен-Люк остался стоять»	741
«Монсоро при этих известиях задумался, попросил Бюсси наклониться и шепнул ему на ухо: «У герцога есть еще и другие замыслы, правда?»...»	749
«Господин де Монсоро призвал Диану, оперся на ее руку и, несмотря на вопли Реми, трижды обошел вокруг своего кресла»	751
«— Дайте мне вашу руку, — сказал граф де Монсоро Бюсси»	755
«Бюсси встретили руки Дианы, нежно обвившиеся вокруг его шеи, пока Гертруда стояла на страже»	759

«Увидев этот знак, Бюсси стал взбираться по лестнице, шагая через две перекладыны»	764
«Монсоро кипел от негодования, и рука его то и дело хваталась за ствол мушкета, гораздо менее холодный, чем она»	766
«Герцог не мог подавить мрачной улыбки»	774
«И, словно сделав над собой усилие, он взял или, скорее, выхватил перо из рук графа и подписал»	778
«И дабы вы твердо это знали, монсеньор, глядите: я клянусь в этом моим именем на своем кинжале»	780
«— Ах, господа, — сказал Антрагэ, потому что Бюсси старался держаться как можно незаметней, — это печальное известие, но в ваших устах оно становится значительно менее неприятным» . . .	783
«Бюсси показал эту позицию, и она была принята; затем стали тянуть жребий»	785
«Взбешенный, он вскочил с постели и, срывая с себя благоухающие повязки, которыми были покрыты его лицо и руки, закричал: «Вон отсюда! Вон!»...	790
«Задыхаясь от слез, Генрих распахнул объятия Келюсу и его друзьям»	795
«Что до короля, то он в эти дни давал уроки фехтования своим друзьям...»	799
«Франсуа схватил графа за руку»	804
«Реми потихоньку передал своему господину записку»	808
«Затем шел король, босой, как мы уже сказали, в сопровождении своих четырех друзей, тоже босых и тоже облаченных в монашеские рясы»	816—817
«Царственный кающийся, бия себя в грудь, медленно взошел по ступеням в аббатство»	818
«— Ах, братья, наконец-то Валуа у нас в руках!»	820
«...Во-первых, ты — тиран, во-вторых — сатир, и, наконец, ты — низложенный монарх. Вот об этом-то я и буду говорить»	823
«Горанфло схватил короля за руку и протянул ему перо»	825
«— Повинуюсь, государь, — ответил Крийон и со всего размаха ударил по главной двери топором»	827
«Разъяренные дворяне надвигались на гасконца, твердо решив отомстить ему за жестокий обман, жертвой которого они стали»	829
«Шико... со всего размаху стегал по торчащим перед ним мясистым ягодцам той самой веревкой, которой он незадолго перед тем бичевал Горанфло»	833
«Бюсси взял молодого лекаря под руку, и они зашагали к Бастилии»	837
«И молодые люди помчались по улицам со скоростью, которая сделала бы честь оленям, преследуемым охотниками»	840
«Молодая женщина казалась особенно нежной...»	842
«На одно мгновение Бюсси оцепенел, застыл, потрясенный страшным криком, который вырвался у Дианы, бросившейся ему на шею»	846
«В дверь вбежали двое»	849
«Сен-Люк кинулся к Диане, которая уже поднялась на колени, схватил ее на руки и исчез с ней вместе за дверью»	851

«Бюсси оглянулся вокруг, и тут один из трупов вдруг ожил, поднялся на колени и подал ему длинную и целую рапиру» . . .	853
«И в тот же миг в грудь его уперлось дуло аркебузы и раздался выстрел»	857
«— Неужели вы отдадите меня в руки моих преследователей, меня, вашего Горанфло?»	860
«— Государь, поглядите хорошенько на этого монаха»	863
«И Шико ткнул пальцем на сапоги д'Эпернона».	868
«Д'Эпернон вскочил с постели и принялся как можно тщательнее стирать пятна крови со своих сапог и одежды»	870
«Он грустно покачал головой»	874
«— Итальянские шпаги, сын мой, шпаги, выкованные в Милане» . .	877
«— Трупы! Смерть, кругом смерть! — воскликнул молодой человек» .	882
«Они прошли через калитку, которая вела из двора в садик»	884
«Молодые люди сняли камзолы и сорвали с себя рубашки».	887
«Шомберг глухо вскрикнул и повалился на спину, увлекая за собой Рибейрака, в теле которого еще торчала его шпага»	890
«При каждом ударе Антрагэ заливало кровью противника, но ничто не могло вынудить Келюса разжать руки...»	892
«— Государь, — вскричал он, бросаясь перед королем на колени, — отмщенья! Я пришел просить у вас отмщенья!» . .	895
«И он швырнул свою шелковую перчатку в лицо герцога»	899
«Жанна три дня и три ночи ухаживала за несчастной женщиной, находившейся во власти жестокой горячки».	900
«Горанфло»	902
«Диана де Меридор»	903
«Диана де Меридор, Бюсси д'Амбуаз и граф де Монсоро»	907
«Генрих Лотарингский, герцог де Гиз».	911
«Надгробие Келюса, Шомберга и Можирона»	912
«Карл Лотарингский, герцог Майеннский»	917
«Жанна де Сен-Люк, Сен-Люк и герцог Анжуйский»	918
«Луиза Лотарингская, королева Франции»	920
«Екатерина Медичи»	921

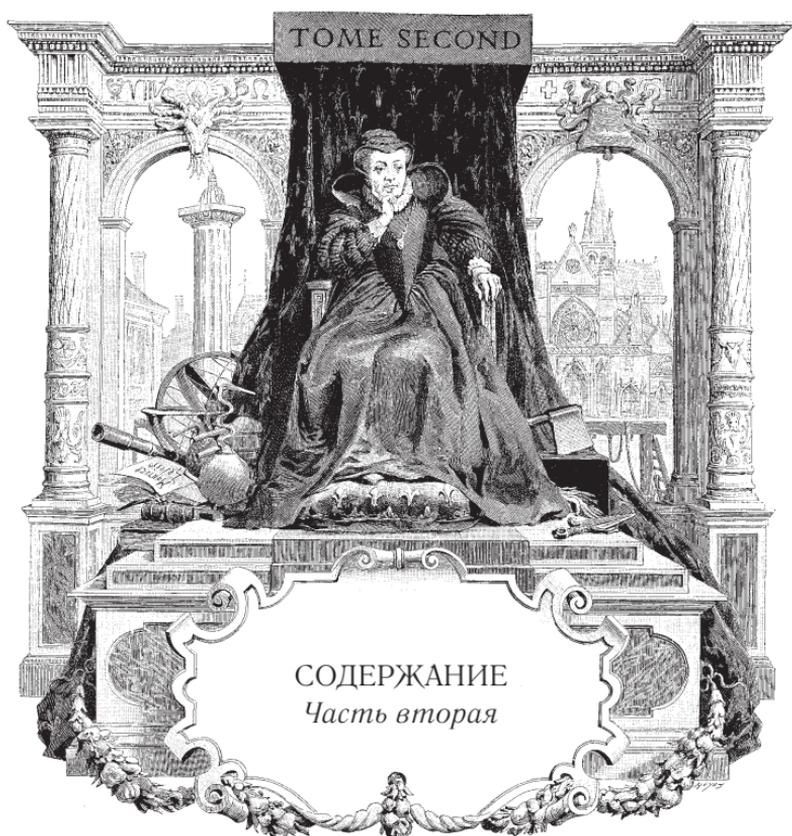

<i>Глава I.</i> Свадьба Сен-Люка	9
<i>Глава II.</i> из которой следует, что не всегда входит в дом тот, кто открывает дверь	30
<i>Глава III.</i> О том, как иногда бывает трудно отличить сон от яви	44
<i>Глава IV.</i> О том, как бывшая девица де Бриссак, а ныне госпожа де Сен-Люк провела свою первую брачную ночь	51
<i>Глава V.</i> О том, что предприняла бывшая девица де Бриссак, ныне госпожа де Сен-Люк, дабы провести свою вторую брачную ночь не так, как она провела первую	61
<i>Глава VI.</i> О том, как совершался малый вечерний туалет короля Генриха III	70
<i>Глава VII.</i> О том, как король Генрих III на следующий день оказался обращенным, хотя причины обращения остались неизвестны	80
<i>Глава VIII.</i> О том, как король боялся страха, который он испытал, и как Шико боялся испытать страх	91
<i>Глава IX.</i> О том, как глас Божий обманулся и говорил с Шико, думая, что говорит с королем	100
<i>Глава X.</i> О том, как Бюсси отправился на поиски своего сна, все более и более убеждаясь, что этот сон был явью	108

<i>Глава XI.</i> О том, что за человек был главный ловчий Бриан де Монсоро	120
<i>Глава XII.</i> О том, как Бюсси нашел одновременно и портрет и оригинал	139
<i>Глава XIII.</i> История Дианы де Меридор	147
<i>Глава XIV.</i> История Дианы де Меридор. — Договор	169
<i>Глава XV.</i> История Дианы де Меридор. — Согласие на брак	181
<i>Глава XVI.</i> История Дианы де Меридор. — Свадьба	190
<i>Глава XVII.</i> О том, как ехал на охоту король Генрих III и какое время требовалось ему на дорогу из Парижа в Фонтенбло	200
<i>Глава XVIII.</i> где читатель будет иметь удовольствие познакомиться с братом Горанфло, о котором уже дважды говорилось на протяжении нашей истории	217
<i>Глава XIX.</i> О том, как Шико заметил, что легче войти в аббатство Святой Женевьевы, чем выйти оттуда	233
<i>Глава XX.</i> О том, как Шико, оставшись в часовне аббатства, видел и слышал то, что для него было весьма опасно видеть и слышать	244
<i>Глава XXI.</i> О том, как Шико, думая прослушать курс истории, прослушал курс генеалогии	262
<i>Глава XXII.</i> О том, как супруги Сен-Люк путешествовали вместе и как по дороге к ним присоединился спутник	272
<i>Глава XXIII.</i> Осиротевший старец	285
<i>Глава XXIV.</i> О том, как Реми ле Одуэн в отсутствие Бюсси вел разведку дома на улице Сент-Антуан	295
<i>Глава XXV.</i> Отец и дочь	304
<i>Глава XXVI.</i> О том, как брат Горанфло проснулся и какой прием был оказан ему в монастыре	313
<i>Глава XXVII.</i> О том, как брат Горанфло убедился, что он сомнамбула, и как горько он оплакивал свою немощь	322
<i>Глава XXVIII.</i> О том, как брат Горанфло путешествовал на осле по имени Панург и как во время этого путешествия он постиг многое такое, чего раньше не ведал	334
<i>Глава XXIX.</i> О том, как брат Горанфло обменял своего осла на мула, а мула — на коня	343
<i>Глава XXX.</i> О том, как Шико и его товарищи обосновались в гостинице «Под знаком креста» и какой прием им оказал хозяин гостиницы	351
<i>Глава XXXI.</i> О том, как монах исповедовал адвоката и как адвокат исповедовал монаха	360
<i>Глава XXXII.</i> О том, как Шико, пробуравив одну дырку штопором, проткнул другую шпагой	373
<i>Глава XXXIII.</i> О том, как герцог Анжуйский узнал, что Диана де Меридор жива	383

Глава XXXIV. О том, как Шико вернулся в Лувр и как его принял король Генрих III	392
Глава XXXV. О том, что произошло между герцогом Анжуйским и главным ловчим	402
Глава XXXVI. О том, как проходил Большой королевский совет	411
Глава XXXVII. О том, что делал в Лувре герцог де Гиз	420
Глава XXXVIII. Кастор и Поллукс	427
Глава XXXIX, в которой доказывается, что подслушивание — самый надежный путь к пониманию	436
Глава XL. Вечер лиги	445

<i>Глава I.</i> Улица Феронри	457
<i>Глава II.</i> Принц и друг	468
<i>Глава III.</i> Этимология улицы Жюсьен	476
<i>Глава IV.</i> О том, как д'Эпернону разорвали камзол, и о том, как Шомберга покрасили в синий цвет	485
<i>Глава V.</i> Шико все больше и больше становится королем Франции	494
<i>Глава VI.</i> О том, как Шико нанес визит Бюсси и что из этого впоследствии последовало	502
<i>Глава VII.</i> Шахматы Шико, бильбоке Келюса и сарбакан Шомберга	511
<i>Глава VIII.</i> О том, как король назначил главу лиги и как получилось, что это не был ни его высочество герцог Анжуйский, ни монсеньор герцог де Гиз	520
<i>Глава IX.</i> О том, как король назначил главу лиги, который не оказался ни его высочеством герцогом Анжуйским, ни монсеньором герцогом де Гизом	529

<i>Глава X.</i> Этеокл и Полиник	536
<i>Глава XI.</i> О том, как не всегда теряешь даром время, копаясь в пустых шкафах	544
<i>Глава XII.</i> Святая пятница!	552
<i>Глава XIII.</i> Подруги	558
<i>Глава XIV.</i> Влюбленные	565
<i>Глава XV.</i> О том, как Бюсси предлагали сто пистолей за его коня, а он отдал его даром	574
<i>Глава XVI.</i> Дипломатия герцога Анжуйского	582
<i>Глава XVII.</i> Дипломатия господина де Сен-Люка	588
<i>Глава XVIII.</i> Дипломатия господина де Бюсси	595
<i>Глава XIX.</i> Выводок анжуйцев	603
<i>Глава XX.</i> Роланд	612
<i>Глава XXI.</i> Что должен был сообщить принцу граф де Монсоро	619
<i>Глава XXII.</i> О том, как король Генрих III узнал о бегстве своего возлюбленного брата герцога Анжуйского и что из этого воспоследовало	627
<i>Глава XXIII.</i> О том, как, обнаружив, что Шико одного мнения с королевой-матерью, король присоединился к мнению королевы-матери и Шико	635
<i>Глава XXIV,</i> где доказывается, что благодарность была одной из добродетелей господина де Сен-Люка	643
<i>Глава XXV.</i> План господина де Сен-Люка	652
<i>Глава XXVI.</i> О том, как господин де Сен-Люк показал господину де Монсоро удар, которому его научил король	659
<i>Глава XXVII,</i> где мы присутствуем при далеко не торжественном въезде королевы-матери в добрый город Анжер	665
<i>Глава XXVIII.</i> Малые причины и большие следствия	673
<i>Глава XXIX.</i> О том, как граф Монсоро открыл, закрыл и снова открыл глаза, и как это явилось доказательством того, что он еще не окончательно мертв	680
<i>Глава XXX.</i> О том, как герцог Анжуйский отправился в Меридор- ский замок, дабы выразить графине де Монсоро свои соболез- нования по поводу кончины ее супруга, и о том, как этот последний вышел ему навстречу	687
<i>Глава XXXI.</i> О неудобстве чрезмерно широких носилок и чрезмерно узких дверей	694
<i>Глава XXXII.</i> О том, в каком расположении духа находился король Генрих III, когда господин де Сен-Люк появился при дворе	701
<i>Глава XXXIII,</i> где речь идет о двух важных героях этой истории, которых читатель с некоторых пор потерял из виду	708
<i>Глава XXXIV.</i> О том, как три главных героя этой истории совершили путешествие из Меридора в Париж	716

<i>Глава XXXV.</i> О том, как посол герцога Анжуйского прибыл в Париж, и о приеме, который ему там оказали	723
<i>Глава XXXVI,</i> которая является всего лишь продолжением предыдущей, сокращенной автором по случаю новогодних праздников	728
<i>Глава XXXVII.</i> О том, как Сен-Люк выполнил поручение, которое дал ему Бюсси	737
<i>Глава XXXVIII.</i> О том, в какой области господин де Сен-Люк был просвещеннее господина де Бюсси, какие уроки он ему преподавал и как использовал эти уроки возлюбленный прекрасной Дианы	745
<i>Глава XXXIX.</i> Предосторожности господина де Монсоро	750
<i>Глава XL.</i> Визит в домик возле Турнельского замка	757
<i>Глава XLI.</i> Соглядатаи	763
<i>Глава XLII.</i> О том, как герцог Анжуйский поставил свою подпись, и о том, что он сказал после этого	770
<i>Глава XLIII.</i> Прогулка к Бастилии	781
<i>Глава XLIV,</i> в которой Шико засыпает	786
<i>Глава XLV,</i> в которой Шико просыпается	791
<i>Глава XLVI.</i> Праздник Святых даров	797
<i>Глава XLVII,</i> которая добавит ясности главе предыдущей	805
<i>Глава XLVIII.</i> Шествие	814
<i>Глава XLIX.</i> Шико Первый	822
<i>Глава L.</i> Проценты и капитал	828
<i>Глава LI.</i> О том, что происходило вблизи Бастилии в то время, как Шико платил свои долги в аббатстве Святой Женевьевы	835
<i>Глава LII.</i> Убийство	841
<i>Глава LIII.</i> О том, как брат Горанфло оказался более чем когда-либо между виселицей и аббатством	858
<i>Глава LIV,</i> в которой Шико догадывается, почему у д'Эпернона на сапогах была кровь, а в лице не было ни кровинки	865
<i>Глава LV.</i> Утро битвы	872
<i>Глава LVI.</i> Друзья Бюсси	879
<i>Глава LVII.</i> Поединок	888
<i>Глава LVIII.</i> Заключение	894
<i>Приложение</i>	
О художнике этой книги.	905
Список иллюстраций. Часть первая	907
Список иллюстраций. Часть вторая	912